

Международный научно-практический
правовой журнал
„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата,
Министерство внутренних дел, Институт юриди-
ческих и политехнических исследований АН РМ,
Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский
университет, Институт прикладной криминологии
и уголовного права, Балтийская Международная
Академия, НИИ прав человека НАН Азербайджана,
Запорожский национальный университет.

Издается с января 1991 г.

№ 11 (274) 2014 г.

Главный редактор
Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат
права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права,
А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ,
доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк,
доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор
юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк,
доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук,
профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат
права, профессор, Т. Коломоец, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист Украины,
(Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических
наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам.
главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о.
профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов,
доктор юридических наук, профессор, член кор.
НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и
техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор
юридических наук, профессор, академик НАПН
Украины (Харьков).

Адрес редакции:

2012. Кишинэу, ул. Пушкина, 22

Дом печати,

телефон для справок: 373 22 23 37 90.

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru

web страницы: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Г. ФЁДОРОВ, В.ТРАВИН. К вопросу о клас- сификации правоприменительных актов	4
Г. КОСТАКИ. Конституционно-правовое обе- спечение построения правового государства и защиты прав человека	9
Б. СОСНА. Правовое регулирование процеду- ры банкротства предприятий	13
А. СОСНА. Принципы гендерного равенства в Молдове и их защита	20
А. БОРШЕВСКИЙ. Законодательство рос- сийской империи по отношению к еврейскому населению Бессарабии (1812 – 1914 гг.).....	24
В. ЕНИКОВ. Безопасность как социальное яв- ление.....	31
А. CERCHEZ. Cercetări științifice în domeniul formelor răspunderii juridice	36
Н. ГАЧАЕВА. Свобода волеизъявления сторон при заключении индивидуального трудового договора	40
С. ПИЕВ. Особенности досудебного рассле- дования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого в соответствии с уголовным процессуальным законодательством Украины	45
В. IONAȘCU. Caracterizarea laturii obiective a infracțiunii de violență în familie.....	51

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 11,75. Тираж 350.

Подписано в печать 4.11.2014.

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”, г. Кишинэу

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Г. ФЁДОРОВ,

доктор права, и.о. профессора кафедры теории и истории права

Молдавского государственного университета

В.ТРАВИН,

юрист

SUMMARY

The published material has the theoretical value for everyone who is interested in actual problems of the state and the right.

The stated ideas and reasons can be the basis for legislative and law enforcement activity that will promote protection of the rights and freedom of citizens and interests of the state strengthening of legality and law and order strengthening.

Публикуемый материал представляет большую теоретическую и практическую значимость для всех интересующихся актуальными проблемами государства и права.

Высказанные авторами идеи и соображения могут быть положены в основу законотворческой и правоприменительной деятельности, что будет способствовать защите прав и свобод граждан и интересов государства, укреплению законности и правопорядка.

Ключевые слова: правоприменительные акты – разновидность юридических актов; классификация правоприменительных актов – один из общих (универсальных) методов их познания; основания классификации правоприменительных актов.

Постановка проблемы: Государство и право представляют собой исключительно сложные общественно-политические, политико-юридические явления (феномены). Функционирование государства сопровождается принятием (изданием) многочисленных и самых разнообразных юридических актов – нормативно-правовых, интерпретационных, правоприменительных.

1. *Нормативно-правовыми* являются акты правотворческой деятельности уполномоченных на то органов. В этих актах содержатся правовые нормы, обладающие общеобязательной юридической силой, несоблюдение которых влечёт юридическую ответственность (такowymi являются законы, кодексы, уставы, положения, регламенты, инструкции и др.).

2. *Интерпретационными* (актами толкования) являются акты, разъясняющие смысл, содержание нормативно-правовых актов в целях правильного и единообразного их понимания, точного и неукоснительного их исполнения, соблюдения, использования и применения субъектами права

(примером таких актов могут быть соответствующие Постановления Парламента, Пленума Высшей судебной палаты, Конституционного суда и др.).

3. *Правоприменительными* являются акты, издаваемые в процессе реализации права, претворения норм права в жизнь уполномоченными на то государственными (и негосударственными) органами и должностными лицами (Указы Президента, Постановления Парламента или Правительства; приказы, распоряжения руководителей предприятий, организаций; приговоры, решения и определения судебных органов и др.).

Безусловно, изначальными являются нормативно-правовые

акты. Появление последних двух разновидностей актов (актов толкования и правоприменительных) связано с претворением в жизнь первой разновидности актов – нормативно-правовых. Несомненно, что все эти три разновидности юридических актов находятся в тесной взаимосвязи.

Для познания глубинной сущности юридических актов и государственно-правовых проблем необходимо использовать подлинно научную методологию. Любая наука (в том числе и юридическая) способна достичь поставленных целей, если четко определены *объект* исследования, *предмет* исследования, *принципы* исследования, *методы* (способы, приёмы) исследования, а также соответствующий *научный инструментарий*, используемый в процессе научного исследования. Таким образом, *методология* – это комплексное понятие, включающее в себя все вышеперечисленные элементы. Методология является ключом к раскрытию глубинной сущности феномена государства и

права, своеобразным компасом, указывающим исследователю возможные пути продвижения для установления истины. Известный английский философ Ф.Бэкон (1561-1626 гг.) сравнивал методологию с фонарём, освещающим путь учёному, полагая, что даже хромой, идущий с фонарём по дороге, опередит того, кто бежит впотьмах без дороги¹.

Учёные-юристы, представители общей теории государства и права, среди принципов познания государства и права называют следующие:

- 1) принцип материалистического подхода к объяснению сущности государства и права;
- 2) принцип познаваемости государства и права;
- 3) принцип диалектического их функционирования;
- 4) принцип объективности и доказательности знаний;
- 5) принцип историзма;
- 6) плюрализм научного познания и др.

Методы, способы, приёмы познания государства и права также должны быть разнообразными и должны быть взяты в совокупности. Они могут быть подразделены на **общие методы, частнонаучные и специальные**.

К общим методам познания относятся следующие:

- 1) системно-структурный; 2) сравнительный; 3) метод формализации; 4) статистические методы; 5) метод моделирования; 6) метод восхождения от конкретного к абстрактному; 7) метод нисхождения от абстрактного к конкретному; 8) метод классификации и др.

Цель настоящей статьи: Отдавая должное каждому из названных (и неназванных) методов познания, остановимся подробнее на **методе классификации правоприменительных актов**.

Изложение основного материала

Метод классификации предполагает объединение явлений (образований) в определенные группы с последующим их подразделением по соответствующим основаниям на определённые подгруппы, виды, подвергаемые исследованию и выявлению их сущности и содержания. Этот метод **является универсальным**, так как им пользуются все науки: естественные, технические, экономические, исторические, общественно-политические, юридические и др.

Прежде всего непосредственно науки объединяются и подразделяются на определённые виды. Так, естественные науки подразделяются на биологические, химические, математические, физические, медицинские и т.д. Относясь к гуманитарным, юридические науки подразделяются на определённые виды: государствоведческие, гражданско-правовые, уголовно-правовые, на науки, изучающие отечественное право и международно-правовые отношения, и др.

Широко используется метод классификации и в общей теории государства и права при освещении и исследовании тех или иных проблем. Так, *исходя из исторических типов* общая теория государства и права подразделяет государство и право на рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое. Согласно *формам правления*, государства подразделяются на монархические (абсолютная монархия, ограниченная монархия, дуалистическая монархия) и республиканские (парламентская республика, президентская республика, парламентско-президентская республика). По *форме государственного устройства* государства подразделяются на унитарные, фе-

деративные, конфедеративные. *Государственная власть* подразделяется на законодательную, исполнительную, судебную.

Определённой классификации подвергаются и правовые понятия. Так, согласно юридической силе нормативно-правовые акты подразделяются на *законы* и *подзаконные акты*. Законы, в свою очередь, подразделяются на конституционные, органические, ординарные и т.д.

Остановимся на классификации правоприменительных актов. Акты применения права бывают самыми разнообразными: это приговоры и решения судов; решения органов социального обеспечения о назначении пенсий; приказы о приёме на работу; приказы о зачислении абитуриентов в студенты или об отчислении из числа студентов и др.

Немаловажное значение для классификации правоприменительных актов имеют основания (критерии), вкладываемые в эту классификацию. Единообразное мнение по этому вопросу отсутствует. Разные авторы являются приверженцами разных оснований. Так, А.С. Питолкин называет следующие основания классификации: субъект, издавший акт; роль и место правоприменительного акта в разрешении юридического казуса; на кого распространяется правоприменительный акт². В.Н. Хропанюк указывает на два основания: субъект, издавший правоприменительный акт; содержание общественных отношений, к которым применяются нормы права³. С.С. Алексеев также классифицирует правоприменительные акты в зависимости от их роли в разрешении юридического вопроса (основной и вспомогательный – промежуточный, акт)⁴. А.В. Малько расширяет круг оснований классификации правоприменительных актов: форма издания акта;

субъект его издания; согласно выполняемой функции права; согласно юридической природе (основные или вспомогательные акты); с учетом предмета правового регулирования и характера норм, используемых при разрешении юридического казуса (нормы материального или процессуального права)⁵. В.Н. Дмитриук указывает на следующие основания классификации правоприменительных актов: субъект, издавший акт; значение акта; характер правового воздействия акта; форма акта⁶. Существуют и другие точки зрения, поэтому, синтезируя их и рассматривая в ретроспективе проблему классификации правоприменительных актов, отметим, что в основу такой классификации могут быть положены различные основания (критерии). К числу таких оснований (критериев) относятся: субъекты, издающие акты применения права; характер регулируемых отношений; форма акта; характер деятельности субъекта; время действия правоприменительного акта; пространство действия акта; круг лиц, на которых распространяется акт; юридическая сила правоприменительного акта; процедура принятия такого акта; цель, преследуемая правоприменителем, и др.⁷.

Итак, первым и практически общепринятым основанием классификации правоприменительных актов является разграничение их в зависимости от **субъектов, осуществляющих применение права**. Существуют властные акты, издаваемые государственными органами, и акты общественных организаций, такого же характера, (издаваемые с разрешения государства). В свою очередь, акты органов государственной власти подразделяются на ряд самостоятельных видов: на индивидуальные акты органов власти (к примеру, Поста-

новление Парламента о назначении Генерального прокурора); на акты министерств, департаментов, служб, агентств и других ведомств; местных органов власти и управления (например, решение Примарии или районного Городского Совета); на акты организаций, подчинённых министерствам, ведомствам, местным органам власти и управления; на акты администрации предприятий и учреждений; контрольных и надзорных органов; суда и прокуратуры; арбитража; нотариата. Каждый из перечисленных органов осуществляет свои особые функции, что находит отражение в специфике содержания и форме издаваемых ими актов.

В зависимости от места в механизме правового регулирования, правоприменительные акты можно разделить на **регулятивно-исполнительные**, с помощью которых организуется исполнение предписаний норм права посредством применения их к конкретным жизненным случаям, и **правоохранительные**, с помощью которых нормы права охраняются от нарушений.

В регулятивных актах устанавливаются конкретные юридические права и обязанности в связи с правомерным поведением граждан. Эти акты направлены на достижение определённых материальных или духовных результатов. Их роль особенно важна в области руководства экономикой, культурой, здравоохранением, социальным обеспечением и т.д. Правоохранительные акты можно подразделить на акты контроля и надзора, направленные на предупреждение правонарушений, на обеспечение неуклонного исполнения правовых норм; на следственные акты, фиксирующие факты, относящиеся к правонарушениям, согласно которым подготавли-

ваются материалы к применению юридических санкций; на юрисдикционные акты, согласно которым непосредственно решается вопрос о применении или неприменении мер государственного принуждения к правонарушителям, а также на акты исполнения юрисдикционных решений. Иначе говоря, правоохранительные акты связаны с неправомерным поведением отдельных субъектов-лиц. Они направлены на вытеснение чуждых государству общественных отношений. В них содержатся в основном указания о привлечении правонарушителей к тому или иному виду юридической ответственности или требования о надлежащем исполнении юридических обязанностей. С помощью правоохранительных актов ведётся борьба с правонарушениями и обеспечивается укрепление законности и правопорядка в стране.

По времени действия акты применения правовых норм подразделяются на **постоянно действующие** и **временно действующие**, или акты **однократного** и **длящегося** действия, в зависимости от срока, на который они рассчитаны, от того, заканчивается ли их функционирование выполнением одного вполне определённого действия (например, приказ на увольнение или постановление о наложении ареста на имущество). В качестве примера акта длящегося действия может служить решение о пожизненном назначении пенсии.

С учётом пространственной сферы действия акты применения права подразделяются на **акты центральных** (Парламента, Правительства, министерств) и **местных** органов публичной власти и управления (примарий городов, сёл, коммун, посёлков).

В юридической литературе

предлагается также подразделять правоохранительные акты в том числе и **по кругу лиц** – на **индивидуальные**, касающиеся конкретных, заранее известных субъектов (например, приказ о приёме на работу или наложении дисциплинарного наказания, или об увольнении; решение о назначении пенсии конкретному лицу), и **на акты, обладающие определённым общим значением**, в результате которых возникает целый ряд правоотношений, охватывающих большое число заранее не всегда известных субъектов (например, решение о распределении гуманитарной помощи и т.д.)

В теоретическом плане определённую трудность представляет собой разграничение **правоприменительных актов по их юридической силе**. Разница между ними существует и, несомненно, представляет значительный интерес для практики. Назовём условно одни **актами высшей юридической силы**, принимаемыми, как правило, высшими органами власти и не подлежащими какому-либо надзору (например, правоприменительные акты Парламента, Правительства, Президента); другие назовём **актами органов среднего звена**, принимаемыми во второй, но не последней инстанции (например, главы автономного территориального образования Гагаузии – Башкана); следующие назовём **актами низшей юридической силы**, принимаемыми в основном в первой инстанции и подлежащие в последующем проверке и контролю. Условность данного деления состоит в том, что некоторые органы власти (в том числе и местные) наделены правом решать иногда тот или иной вопрос окончательно. Их акты, хотя и подлежат прокурорскому контролю, но всё же обладают

«высшей юридической силой», так как эти акты только этими органами власти могут быть вынесены, только ими могут быть изменены или отменены. Определёнными особенностями, с точки зрения юридической силы, обладают решения и приговоры судебных органов.

Ряд авторов справедливо предлагают классифицировать правоприменительные акты и по **их значению**. По этому основанию их можно подразделить на **основные** (выражающие конечное решение юридического дела, например – приговор суда) и **вспомогательные** – первичные, промежуточные, сопутствующие, дополнительные и другие, подготавливающие издание основного акта, способствующие установлению фактических обстоятельств дела в ходе судебного процесса и на иных стадиях судебного разбирательства (в частности, протоколы допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемого-обвиняемого; протоколы очных ставок; заключения экспертов и др.)⁸.

Аналогичная ситуация прослеживается и при рассмотрении гражданско-процессуальных вопросов.

По цели следует различать **правоустанавливающие** и **правоохранительные** акты. Первые устанавливают наличие субъективных прав и обязанностей у участников правоотношений, либо определяют меру (масштаб) этих прав и обязанностей, либо устанавливают момент их действия или прекращения. Вторые преследуют цель контроля за правильностью приобретения прав и возложенных обязанностей.

Предлагаемая классификация правоприменительных актов по их значению согласуется, во-первых, с широко распространённым и на наш взгляд неточ-

ным мнением о правоприменительных актах как источнике права, наделяя их субъективными правами и обязанностями, а во-вторых, свидетельствует об ограниченности тех представлений, согласно которым на роль правоохранительных актов могут претендовать разве лишь акты, выносимые судом по уголовным делам. Скорее наоборот: приговор является типичным правоустанавливающим актом. Согласно точке зрения некоторых авторов, говорить о нём как о правоохранительном акте вообще нелепо, так как совершённым преступлением (например убийством) право зачастую невозможно восстановить, тем более его уже невозможно охранять. В качестве правоохранительных актов выступают, например, определения судебных органов по уголовным или гражданским делам, наложения ареста на имущество в целях обеспечения исковых требований.

Учитывая процедуру принятия актов, можно подразделить правоприменительные акты на принятые **коллективно** (например, Решение Коллегии Высшей судебной палаты по гражданскому делу) и принятые **единолично** (например, постановление прокурора о возбуждении уголовного дела).

Принимая во внимание форму совершения и закрепления вове содержания решения, акты могут быть подразделены на **чистые** (односодержательные) и **смешанные** (разносодержательные), письменные и изредка устные.

Правоприменительный **смешанный** акт выделим особо, так как в юридической литературе зачастую не учитывается тот факт, что на практике многие акты одновременно могут содержать в себе и первичные нормы права, и положения, конкретизи-

рующие существующее законодательство, а также толкование и применение существующих правовых норм. В связи с этим отнести их к одному какому-либо разряду правовых актов невозможно. Это сложные акты, порой органически сочетающие в себе разные положения, объединённые одним предметом правового воздействия.

Закрепление правоприменительных актов вовне осуществляется посредством определённого наименования (**формата акта в узком смысле слова**). Таким образом выделяются такие наиболее распространённые акты, как указы, постановления, приказы, решения, распоряжения, определения и т.д.

Правоприменительные акты можно разграничивать также и согласно тому, нормы какой отрасли права применены в данном конкретном случае (гражданского, уголовного, трудового, административного и др.) Учитывая, что отрасли права делятся не только на материальные, но и на процессуальные (гражданско-процессуальные, уголовно-процессуальные и др.), следует различать **акты, основанные как на нормах материального, так и процессуального права**.

Следует, однако, иметь в виду, что предписания процессуальных норм, как правило, рассчитаны на один способ реализации – исполнение, и не требуют по отношению к себе правоприменительного процесса, т.е. они не применяются, а только должны исполняться. Следовательно, процессуальные акты в этом значении имеют гораздо меньшее распространение, нежели акты материальные. И когда в литературе и на практике ведут речь о процессуальных актах, то имеют в виду скорее их роль в ходе разрешения того или иного дела, а не только то, какое право (мате-

риальное или процессуальное) применяется посредством этих норм.

Для классификации правоприменительных актов немаловажно отметить и то обстоятельство, что их цели и характер до известной степени (строго определённой в рамках различия норм и индивидуальных велений) могут совпадать с целями и характером нормативных актов. В связи с этим, как и в делении правовых норм, принимая за основу **содержание предписания**, назовём их **обязывающими, запрещающими, управомочивающими** правоприменительными актами; учитывая характер предписания – **императивными** и **диспозитивными**, а исходя из основания определенности – **абсолютно определёнными** и **относительно определёнными актами**.

Завершая рассмотрение видов правоприменительных актов, следует определиться в потребности дальнейшей классификации некоторых из актов или их групп. Большими возможностями в этом направлении обладают отраслевые юридические науки, в частности, – административное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное право и др. Причём, соответствующие «белые пятна» могут быть заполнены не только по отношению к отдельным видам, но также и по отношению к основаниям (критериям) классификации.

Развитие общественных отношений, несомненно, оказывает и будет оказывать дальнейшее воздействие на систему правоприменительных актов, определяя новые виды и новые связи между ними.

Выводы и предложения

1. Правоприменительный акт является разновидностью юридических актов и непосред-

ственно связан с реализацией права, претворением в жизнь его правил (норм).

2. Каждый из видов правоприменительных актов обладает специфическими свойствами, познание которых возможно только с помощью подлинно научной методологии.

3. Одним из важнейших элементов методологии познания правоприменительных актов является метод классификации, носящий всеобщий (универсальный) характер.

4. Динамика общественных отношений порождает появление новых видов правоприменительных актов, требует дальнейшей научной разработки возникающих проблем и классификации правовых актов.

5. Основными методическими центрами по разработке методики классификации правоприменительных актов в Республике Молдова должны выступать Институт правовых и политических исследований Академии наук Молдовы и Министерство юстиции республики.

6. Министерство юстиции Республики Молдова обязано регулярно проводить соответствующие семинары по поводу порядка составления правоприменительных актов, обращать внимание правоприменительных субъектов на недопустимость ошибок при составлении таких актов, ибо подобное существенно снижает роль и эффективность правоприменительных актов в механизме правового регулирования общественных отношений.

7. Министерство юстиции РМ обязано разрабатывать образцы наиболее важных правоприменительных актов, издавать соответствующие справочники, тиражируя их в достаточном количестве и по приемлемой цене.

8. Высшие и средние специ-

альные учебные заведения должны широко использовать эти образцы и справочники в процессе подготовки кадров соответствующей специализации.

Библиография:

1. Фёдоров Г.К. Понятие методологии и особенности некоторых социологических методов познания государства и права // Закон и жизнь, Кишинёв, 2012, №3, стр.20.
2. Основы теории государства и права / Под.ред. А.С. Пиголкина. - Москва, 1988, стр.264-265.
3. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. - Москва, 1999, стр.265.
4. Алексеев С.С. Теория государства и права. - Москва, 1994, стр.158.
5. Малько А.В. Теория государства и права. (В вопросах и ответах). - Москва, 1999, стр.179.
6. Дмитрук В.Н. Теория государства и права. - Минск, 1999, стр.95-96.
7. Фёдоров Г.К. Актуальные проблемы теории государства и права. - Кишинёв, 2010, стр.342.
8. Малько А.В. Теория государства и права, стр.179; Алексеев С.С. Теория государства и права, стр.158.
9. Фёдоров Г.К. Актуальные проблемы теории государства и права, стр.345.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Г. КОСТАКИ,
доктор хабилитат права, профессор

RÉSUMÉ

Le concept d'„État de droit” suppose essentiellement: la reconnaissance et la garantie effective des droits fondamentaux de l'homme; la stricte subordination des autorités de l'État, de l'État aux règles de droit (nationales et internationales); la séparation de pouvoirs dans l'État; l'existence d'un contrôle réciproque entre ceux-ci. Dans la pratique, réalisation des toutes ces conditions pour la construction de l'État de droit il doive. La réalisation pratique de ces conditions contribuent à la construction d'une véritable et efficace „État de droit”.

Mots-clés: droit, État, l'État de droit, la loi, la démocratie, constitution.

Понятие «правовое государство» предполагает, прежде всего: признание и гарантирование основных прав человека; строгое подчинение органов государственной власти правовым нормам (национальным и международным); разделение властей в государстве и существование взаимного контроля между ними. Практическая реализация этих условий способствует строительству реального и эффективного правового государства.

Ключевые слова: право, государство, правовое государство, закон, демократия, конституция.

Введение. Представления о государстве как организации, осуществляющей свою деятельность на основе закона, начали формироваться уже на ранних этапах развития человеческой цивилизации. С идеей правовой государственности связывались поиски более совершенных и справедливых форм общественной жизни. Разумеется проблема правового государства осталось актуальной и на сегодняшний день, не только на уровне науки но, и в практической деятельности современных государств.

Актуальность проблемы и ее практическая значимость связаны с формированием в Республике Молдова правового государства. Условия переходного периода к новому общественному строю требуют осмысления проблем соотношения и взаимодействия нашего государства, становящегося в процессе такого перехода правовым, с одной стороны, и прав и свобод человека, с другой.

На протяжении всей истории призывы к правовому государству и процесс его формирования выступали в качестве антипода

деспотии, абсолютизму, полицейскому государству. Эти идеи сохранились и активно воплощаются и в современном обществе, где правовое государство не только одна из значимых общечеловеческих ценностей, но и эффективный институт для обеспечения защиты прав и свобод личности.

Целью данной статьи является краткое изложение самых важных аспектов конституционно-правового обеспечения построения правового государства и защиты прав и свобод человека.

Изложение основного материала исследования. Значение

и необходимость современной Конституции обуславливается тем, что оно регулирует наиболее важные общественные отношения, определяет направления правового регулирования социальных связей, закрепляет аксиомы государственной и общественной жизни, принципы, являющиеся основой правопорядка. Именно Конституция устанавливает модели поведения для больших групп населения, определяет основы правового статуса представительных, исполнительных и судебных органов, задавая им демократический или антидемократический режим функционирования, закрепляет основы правового статуса гражданина, ограничивает вмешательство государства в его жизнь, что имеет большое значение для обеспечения прав и свобод личности, развития демократических процессов.

Исходя из того, что конституционные нормы задают тон развитию всего отраслевого законодательства национальной правовой системы, и ее действие распространяется на всех, есть основания считать, что Конституция Республики Молдова обладает особой социальной ценностью для общества, государства и личности. Это вытекает из ее специфики как Основного закона, возможности ее влияния на социальные процессы.

Очень важно отметить, что конституционные нормы, с одной стороны, противостоят произволу и беззаконию, а с другой – обеспечивают простор для упорядоченной социальной свободы и активности личности. Они, являясь базой текущего законодательства, определяют его демократическую направленность, ориентированность на права и свободы человека и гражданина.

Ценность действующей Конституции усиливается и тем, что ее нормы являются нормами прямого действия и обладают такими свойствами, как общеобязательность, нормативность, формаль-

ная определенность, высокая обеспеченность, а также другими важными качествами, имеющими существенное значение для государства, общества, человека.

Конституция дает возможность обеспечить устойчивый порядок в общественных отношениях, создает нормативную базу деятельности государственных и общественных структур, всех субъектов права в рамках конституционно-правового поля. Высшая юридическая сила конституционных установлений позволяет создавать условия, при которых существует единый правовой порядок на всей территории страны.

Конституционные нормы, будучи, как правило, нормами обобщающего характера, детализируются в текущем законодательстве, что позволяет создать эффективный механизм реализации функций государства, защиты прав и свобод человека и гражданина.

В целом Конституция имеет социальную ценность не только для государства, поскольку устанавливает систему и структуру государственных органов, но и для общества. Конституционные нормы через институты правосудия, иные формы обеспечения прав человека выступают важным инструментом в руках граждан в защите своих прав и свобод. Конституция закрепляет основы правового регулирования не только государства, но и иных элементов политической системы, что имеет существенное значение для становления структур гражданского общества [1, с. 284-298].

Конституция, являясь актом, обладающим высшей юридической силой, может активно влиять и влияет на формирование в Республике Молдова гражданского общества, его структур. Она воздействует на данный процесс через:

- закрепление важнейших политико-правовых принципов, которым должны следовать все

институты гражданского общества (права человека, верховенство права, политический, экономический и идеологический плюрализм и т.д.);

- содействие структурированию общества в развитое, упорядоченное, культурное общество, поскольку гражданское общество не должно быть хаотичным, а структурно упорядоченным, функционирующим на демократических началах;

- становление целостной правовой системы Молдовы, сориентированной на права личности;

- недопущение необоснованного вмешательства государства в жизнь общества и гражданина;

- через закрепление основ компетенции органов государственной власти; органов местного самоуправления;

- определение правовых основ организации и функционирования важнейших структур гражданского общества, и прежде всего политических партий, других объединений граждан.

Гражданское общество начинается с гражданина, его свободы, благополучия, активной позиции в политико-правовой сфере. Соответственно, задача конституционного регулирования состоит в том, чтобы обеспечить с помощью правовых средств условия для реализации прав и свобод человека, равноправия, чести и достоинства личности, свободы выражения мнений.

Рассматривая вопрос конституционно-правового обеспечения построения правового государства, следует подчеркнуть, что государство как суверенный, демократический, правовой институт призван защитить права и свободы личности и общества. В современных условиях в ряде стран, в том числе и в Республике Молдова, в конституциях закреплен тезис о правовом государстве: «Республика Молдова – демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы,

свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются» (статья 1 Конституции Республики Молдова [2]).

Патриотические чувства народа, его стремление к свободе и счастью находят воплощение в государственной символике: гимне, флаге, гербе, которые приобретают священный смысл для каждого жителя страны.

Основой государственности является плюрализм, т.е. многопартийность. Плюрализм – это один из конституционных принципов организации политической жизни в большинство современных демократических государствах. Юридически принцип многопартийности означает, что государство признает и гарантирует право граждан объединяться в соответствии со своими политическими воззрениями в политические партии, равенство всех политических партий, перед законом, свободу их деятельности.

Здесь же отражается уважение к свободе слова и выражения мнений, уважение к свободе вероисповедания, обязанность граждан оберегать историческое, духовное и культурное наследие народа.

К неотъемлемым правам человека относится и право на собственность, право на предпринимательскую деятельность, как проявление творческой энергии человека, ибо государство ориентируется на рыночную экономику. При рыночной экономике они включают в себя право на свободное пользование собственностью и право распоряжаться ею, защиту от угрозы ее конфискации государством.

Духовный потенциал народа, его природные ресурсы, крепнущие международные связи дают уверенность в поэтапном создании всех условий для демократического развития и соблюдения прав человека. Международное право и общечеловеческие цен-

ности получили в нашей стране на законодательном уровне приоритетный статус. С учетом мирового опыта приняты конституционные законы, ординарные законы, постановления Правительства и другие законодательные акты, одним словом, создана современная правовая система. Она является одной из самых сложных систем общества. Ее закономерности находятся в «связке» с закономерностями правового государства и гражданского общества, поскольку отсутствие одного из ее звеньев исключает возможность реального бытия остальных. Ибо деятельность политической, экономической и законодательной систем должны осуществляться на основе права, на его устоях. Все социально значимые действия по пути к правовому государству и гражданскому обществу должны начинаться с их правовой регламентации. Следовательно, началом всех начал в обществе – это правовая система, как объективно необходимой предпосылки формирования и правового государства, и гражданского общества [5, с. 7].

Формирование основ правового общества и государства не может быть ограничено областью чисто юридических представлений. Коренной вопрос общественной жизни – вопрос о построении демократической государственности.

Одним из главных признаков в построении молдавской государственности, как впрочем и в других развитых государствах, является принцип разделение властей, как самой действенной защитой демократии. Если ветви власти государства разграничены, то ни отдельная личность, ни отдельный орган не могут контролировать полностью государственную власть. При советской системе разделение властей не признавалось. В Советской Конституции 1977 года подчеркивалось, что власти государства подчиняются Советам народных

депутатов (ст.2) и, в конечном счете, Коммунистической партии Советского Союза (ст.6). К сожалению, невозможно утверждать, что в нашей стране происходит четкое разделение властей, много проблем связаны с давлением на осуществление юстиции.

Реальное осуществление разделения властей предполагает создание так называемой «системы сдержек и противовесов», когда каждая из властей имеет множество возможностей взаимоконтролировать и ограничивать друг друга. Сбалансированность властей основывается на суверенитете народа, что нашло конституционное закрепление в ряде современных государств.

Условием построения демократической государственности в Республике Молдова является не только народный суверенитет, господство права, обеспечение прав человека, разделение государственной власти между тремя его ветвями и установление между ними гармонического баланса, но и дополняющее их разделение между государством и гражданским обществом.

Смысл и цель демократической государственности не просто в господстве права, наличии соответствующих механизмов его реализации, но и в том, чтобы в центре его внимания находился человек с его правами и свободами [6, р. 108].

Создание предпосылок для построения поистине демократического правового государства едва ли возможно без весьма длительного периода. Проблема эта не только и не столько правовая, сколько социально-политическая.

Ни одному современному государству не уйти от решения вопросов, связанных с социальной защитой его граждан. Не пожелает это делать само государство и его институты, заставят его это делать сами граждане, общественные объединения. В то же время, выполнение государством

функции социальной защиты не должно носить стихийный, вспомогательный характер. Велика здесь роль права.

Многие конституции устанавливают принцип верховенства права, при котором на государство, все его органы и должностных лиц возлагается обязанность действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Факт закрепления в Конституции принципа верховенства права означает не что иное, как обязанность правотворческих и правоприменительных органов действовать исходя из принципов равенства и справедливости.

Особенно важно, чтобы конституции избегали пустых декларирований. К сожалению, даже западные демократии соблазнились раздачей пустых обещаний. Например, современная французская Конституция гарантирует каждому гражданину «право на работу», однако, несмотря на это безработица содержится на высоком уровне. Примерно в таком положении находится и ст.47 нашей ныне действующей Конституции – «Право на социальное обеспечение и защиту», особенно, что касается права на медицинский уход: «Государство обязано принимать меры для обеспечения любому человеку достойного жизненного уровня, потребного для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, в том числе пищи, одежды, жилища, медицинского ухода и необходимого социального обслуживания» [7].

В современном конституционном праве понятие «правовое государство» выступает как характеристика конституционно-правового статуса государства, предполагающая безусловное подчинение государства определенным принципам. Это – народный суверенитет, нерушимость прав и свобод человека со стороны государства, связанность государства конституционным стро-

ем, верховенство Конституции по отношению ко всем другим законам и подзаконным актам, разделение властей и институт ответственности власти как организационная основа правового государства, независимость суда, приоритет норм международного права над нормами национального права и др.

Однако наличие этих признаков еще не значит, что построено правовое государство. Рассматривая черты правового государства, легко заметить, что многие из них характеризуют не столько само государство, сколько общество, в котором оно существует. Это естественно: государство является частью общества и не может развиваться отдельно от него, не может стать «идеальным» при несовершенном социуме. Для того, чтобы такое государство сформировалось, должно измениться и само общество. Это, по нашему мнению, одно из первых условий практического построения правового государства.

Второе условие – это уменьшение роста социальных противоречий, которое должно быть отражено в принятии хороших, правовых законов, их соблюдение, выражающие интересы и потребности если не всех, то по крайней мере, большинства членов общества. Это возможно только тогда, когда в стране существует стабильная и демократическая политическая система. Необходимо иметь в виду, что государственный аппарат всегда имеет и свои собственные, «кастовые интересы», отличающиеся, а нередко и противоречащие интересам остального общества. Нельзя поэтому рассчитывать на то, что государство само станет правовым. Общество должно быть настолько сильным и сплоченным, чтобы «обуздать» аппарат, сделать его на деле «службой общества».

Третье условие, по нашему мнению, – это стабильная, высокопроизводительная экономика,

которая обеспечила бы материальное благосостояние населения, развитие образования, науки, культуры, осуществление социальных программ, надлежащее материальное и техническое обеспечение государственного аппарата, оптимальную организацию правотворческой и правоохранительной деятельности, решение экологических и других глобальных проблем.

Четвертое условие, по нашему мнению, – это повышение уровня духовной культуры общества, в том числе, нравственной, политической и правовой [8, с. 43-45].

Люди должны осознать ценность человеческой жизни, гражданского мира и согласия, невозможность силовых решений социальных, межнациональных и иных противоречий, реальность в этом плане только нравственных и правовых начал.

Наибольшее и непосредственное воздействие на построение молдавской государственности оказывает повышение правовой культуры и правосознания граждан. Эти категории выступают тем фокусом, в котором воздействие разнообразных экономических, социальных, политических факторов концентрируется в непосредственном поведении людей.

Образовавшийся вследствие крушения старых и отсутствие новых символов веры ценностно-идеологический вакуум под воздействием кризисной или даже катастрофической социально-экономической и политической ситуации привел к резкому падению значимости социальных норм и к криминализации общества, что негативно отразилось на состоянии государственности. Наличие в нашей культуре ярко выраженного религиозно-идеологического компонента необходимо учитывать в государственном строительстве. Нашему государству и обществу нужны новые ценности и даже символы веры, способные оградить лич-

ность от нравственного распада и эгоцентризма, интегрировать молдавский народ, мотивировать поддержку политических реформ, уважение к государству и закону [9, с. 4-5].

Литература:

1. Тодыка, Ю. Н. Основы конституционного строя Украины. Харьков, 1999.
2. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994. В: Monitorul Oficial Nr. 1 от 12.08.1994 г.
3. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [электронный ресурс] http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах, Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [электронный ресурс]. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
5. Костаки Г. Роль Конституции в защите прав и свобод личности. В: Гражданское образование и права человека: Национальная научно-практическая конференция, 16 сент. 2008 / редкол.: Аникин В., Клейман Р., Костаки Г. [и др.]. Ch.: Pontos, 2008.
6. Costachi Gh. Cultura și educația juridică – condiții necesare pentru edificarea statului de drept. Monografie. Chișinău: S.n., 2014.
7. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994. В: Monitorul Oficial Nr. 1 от 12.08.1994 г.
8. Костаки Г. Мы не можем утверждать, что уже построено правовое государство Конституционное правосудие, 2005, №4.
9. Костаки Г. Проблемы и перспективы формирования правового государства в Республике Молдова. В: Закон и жизнь, 2005, № 6.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ

Б. СОСНА,
доктор права, ст. научный сотрудник Института правовых и политических исследований АНМ, и.о. профессора
Европейского университета Молдовы

SUMMARY

In the presented material, the authors have tried to set out the relevant issues concerning the legal regulation of bankruptcy procedure. Adequate legal issues regulating economic relations in the life of our country the production of agents that will most effectively attract foreign investors.

This paper analyzes the current legislation and proposed some changes and additions to the rules governing the legal regulation of bankruptcy procedure.

Keywords: procedure, bankruptcy, liquidation, dissolution, legal person, the court, insolvency, receivables mass, fees, resignation.

* * *

В представленном материале автор попытаться изложить актуальные вопросы, касающиеся правового регулирования процедуры банкротства предприятий. Надлежащее правовое решение вопросов, регламентирующих экономические отношения в жизни нашей страны производственных агентов, позволит наиболее эффективно привлечь иностранных инвесторов.

В работе проанализировано действующее законодательство и предложены некоторые изменения и дополнения норм, регламентирующих правовое регулирование процедуры банкротства предприятий.

Ключевые слова: процедура, банкротство, ликвидация, роспуск, юридическое лицо, судебная инстанция, несостоятельность, дебиторская масса, гонорар, отставка.

Банкротство является одним из оснований для ликвидации или роспуска юридического лица.

Согласно части (1) ст. 86 Гражданского кодекса Республики Молдова (далее - ГК РМ) № 1107-XV от 06.06.2002 года юридическое лицо распускается вследствие:

- a) истечения срока, на который оно создано;*
- b) достижения цели, для которой оно было создано, или невозможности ее достижения;*
- c) решения компетентного органа юридического лица;*
- d) судебного решения в случаях, предусмотренных статьей 87 ГК РМ;*
- e) несостоятельности или прекращения процесса несостоятельности в связи с недостаточностью дебиторской массы;*
- f) того, что юридическое лицо, не преследующее цель извлечения прибыли, или кооператив остались без участников;*
- g) других случаев, предусмотренных законом или учредительным документом. [1]*

Согласно ст. 101 ГК РМ судебным решением юридическое лицо может быть признано несостоятельным, если оно не может исполнить платежные обязательства перед

своими кредиторами. Основания и порядок признания юридического лица несостоятельным судебной инстанцией устанавливаются законом.

Банк может быть признан не-

состоятельным постановлением Национального банка Молдовы. Национальный банк Молдовы признает банк несостоятельным на основаниях и в порядке, установленных законом.

Процедура банкротства осуществляется в соответствии со ст. 115-138 закона РМ «О несостоятельности» № 149 от 29 июня 2012 года. [2]

Данный закон вступил в силу по истечении 180 дней со дня его опубликования. И с этого дня утратил силу закон РМ «О несостоятельности» № 632- XV от 14.11.2001 года за исключением частей (1)-(4) ст. 73.

Новый закон РМ «О несостоятельности» предусматривает общую процедуру банкротства (ст. 115-133) и упрощенную процедуру банкротства (ст. 134-138 закона). Условия вступления в процедуру банкротства установлены частью (1) ст. 115 закона РМ «О несостоятельности», согласно которой судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, своим определением устанавливает немедленное вступление в процедуру банкротства, но не позднее чем в течение 5 рабочих дней, в случае, если:

а) должник не заявил о своем намерении провести реструктуризацию или лишен права предложить план процедуры реструктуризации, а кредиторы не требуют реструктуризации должника;

б) ни один из участников процедуры не предложил план процедуры реструктуризации на условиях и в сроки, установленные настоящим законом, или ни один из предложенных планов не был одобрен и утвержден;

с) должник заявил о своем намерении провести реструктуризацию, однако не предложил в установленный срок ее план или предложенный им план не был одобрен и утвержден;

д) платежные и другие принятые обязательства не исполнены на условиях, установленных в утвержденном плане, или осуществление деятельности должника в процессе его реструктуризации ведет к потере дебиторской массы;

е) собранием кредиторов утвержден отчет управляющего процессом несостоятельности, в котором предлагается вступление должника в процедуру банкротства.

Согласно части (2) ст. 115 закона РМ «О несостоятельности» в своем определении о вступлении в процедуру банкротства судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, постановляет роспуск общества должника и распоряжается о:

а) назначении ликвидатора и установлении его полномочий;

б) использовании и ликвидации дебиторской массы.

Судебная инстанция должна руководствоваться не только законом РМ «О несостоятельности», но и постановлением Пленума Высшей судебной палаты РМ «О применении экономическими судебными инстанциями законодательства о роспуске хозяйствующих субъектов» № 38 от 22 ноября 2004 г. (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума ВСП № 10 от 4 июля 2005 г., № 6 от 30 марта 2009 г. и № 7 от 24 декабря 2010 г.). [3]

Полагаем, что необходимо внести изменения в это постановление, чтобы более подробно разъяснить порядок применения процедуры банкротства, установленный ст. 115-138 закона РМ «О несостоятельности» № 149 от 29 июня 2012 года.

Согласно части (4) ст. 115 закона РМ «О несостоятельности» определение о возбуждении процедуры банкротства подлежит опубликованию в порядке,

предусмотренном ст. 7 данного закона. Статья 7 закона РМ «О несостоятельности» гласит: «Резолютивная часть решений и определений судебной инстанции, рассматривающей дело о несостоятельности, подлежит опубликованию в Официальном мониторе Республики Молдова в случаях, прямо предусмотренных настоящим законом. Расходы на опубликование относятся к судебным издержкам.

Судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, может принять решение об опубликовании резолютивной части решения и в местной газете, распространяемой по месту нахождения должника или по месту нахождения большинства кредиторов, а также о размещении ее в Интернете или других электронных системах.

Судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, ведет публичный реестр неплатежеспособных должников и размещает его на своей веб-странице.

Последствия возбуждения процедуры банкротства установлены ст. 116 закона РМ «О несостоятельности».

Согласно части (1) ст. 116 закона РМ «О несостоятельности» в случае принятия решения о переходе к процедуре банкротства судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, назначает ликвидатора, предложенного собранием кредиторов, с применением при этом соответствующим образом положений статей 63–72. Полномочия управляющего процессом несостоятельности прекращаются в момент установления судебной инстанцией полномочий ликвидатора. Ликвидатором может быть назначен и ранее назначенный управляющий процессом несостоятельности.

Статьи 63-72 закона РМ «О несостоятельности» устанавли-

ливают порядок назначения управляющего процессом несостоятельности и ликвидатора, их права и обязанности, а также их ответственность.

Вознаграждение управляющего процессом несостоятельности и ликвидатора и возмещение их расходов установлено ст. 70 закона РМ «О несостоятельности». Данная статья гласит: «(1) Управляющий/ликвидатор имеет право на вознаграждение за выполнение своих обязанностей и на возмещение связанных с этим расходов.

(2) Вознаграждение управляющего/ликвидатора состоит из фиксированного гонорара и гонорара за успех дела в виде процентов и выплачивается в национальной валюте, в том числе в случае, когда вознаграждение определяется исходя из требований/сумм в иностранной валюте.

(3) Размер фиксированного гонорара управляющего/ликвидатора устанавливается комитетом кредиторов либо, если таковой не создан, собранием кредиторов в результате переговоров, однако он не может быть меньше среднего мультипликационного коэффициента, рекомендованного для установления должностных окладов руководителей предприятий, учреждений, организаций, не применяющих систему оплаты труда, основанную на единой тарифной сетке оплаты труда, умноженного на минимальный гарантированный размер заработной платы в реальном секторе на предприятиях, в учреждениях и организациях, обладающих финансовой автономией.

(4) Фиксированный гонорар, установленный для управляющего/ликвидатора, выплачивается ежемесячно за счет имущества должника.

(5) Фиксированный гонорар управляющего/ликвидатора

может варьировать в предусмотренных частью (3) пределах. Он может сокращаться прямо пропорционально продолжительности процесса несостоятельности по истечении одного года после вынесения решения о возбуждении процесса несостоятельности и/или уменьшаться в периоды, когда не требуется участие управляющего/ликвидатора.

(6) Независимо от размера фиксированного гонорара или гонорара за успех дела комитет кредиторов или, если комитет не создан, собрание кредиторов может принять решение о предоставлении единой суммы управляющему/ликвидатору в случае предложения им плана реструктуризации, который был принят и утвержден.

(7) Гонорар за успех дела выплачивается за счет кредиторов, исходя из объема и сложности управления, в размере не более 5 процентов от сумм, распределенных кредиторам в результате использования дебиторской массы, и/или от суммы требований, погашенных путем компенсации с передачей в натуре в счет задолженности имущества из дебиторской массы. Если государство является мажоритарным кредитором, гонорар за успех дела устанавливается на основе шкалы вознаграждения, утвержденной постановлением Правительства.

(8) Гонорар за успех дела удерживается управляющим/ликвидатором на дату распределения дебиторской массы из сумм, распределенных кредиторам в счет погашения утвержденных требований, а в случае погашения требований путем компенсации выплачивается кредитором предварительно за 5 дней до дня передачи в натуре имущества из состава дебиторской массы.

(9) Размер процента вознаграждения

и расходов, подлежащих возмещению управляющему/ликвидатору, устанавливается комитетом кредиторов или, по обстоятельствам, собранием кредиторов.

(10) В случае прекращения процедуры в связи с заключением мирового соглашения причитающийся управляющему/ликвидатору гонорар за успех дела выплачивается в сроки и в размере, которые предусмотрены мировым соглашением.

(11) В случае отставки или отстранения от должности управляющего/ликвидатора фиксированное вознаграждение не выплачивается со дня отставки или отстранения от должности.

(12) Все расходы, сопутствующие процедуре, развернутой в соответствии с настоящим законом, в том числе по опубликованию, уведомлению, созыву и сообщению процессуальных актов, совершенные управляющим/ликвидатором, покрываются за счет имущества должника.

(13) В случае констатации факта, что должник не располагает имуществом или что его имущество не позволяет покрыть расходы, связанные с процедурой несостоятельности или процедурой банкротства, обязанность выплаты фиксированного вознаграждения управляющему/ликвидатору, а также обязанность возмещения сопутствующих расходов возлагается в солидарном порядке определением судебной инстанции, рассматривающей дело о несостоятельности, на руководящие органы должника, предусмотренные статьей 247. Определение судебной инстанции выносится с вызовом в суд управляющего/ликвидатора, членов руководящего органа должника, на которых возлагается обязанность покрытия расходов по дебиторской массе, председателя

комитета кредиторов и может быть обжаловано в кассационном порядке указанными в нем лицами. Неявка сторон, вызванных в суд в установленном законом порядке, не препятствует рассмотрению дела.

(14) Если дебиторская масса не продана или не использована и на накопительных счетах нет денежных средств, то суммы, подлежащие выплате, состоящие из фиксированного гонорара и/или гонорара за успех дела, а также сопутствующие расходы могут быть возмещены управляющему/ликвидатору на основании решения комитета кредиторов, утвержденного судебной инстанцией, рассматривающей дело о несостоятельности, с передачей в натуре имущества из состава дебиторской массы, оцененного по отношению к сумме долга.

(15) Вознаграждение и расходы специалистов и экспертов, не предусмотренных в штатном расписании должника, нанятых управляющим без согласия комитета кредиторов, производятся за счет вознаграждения управляющего».

По нашему мнению, часть (7) ст. 70 закона РМ «О несостоятельности» устанавливает слишком высокий размер гонорара «за успех дела». На практике нередко встречаются случаи, когда размеры такого гонорара достигают нескольких сотен тысяч лей, а предприятие – должник превращается в банкрота и ликвидируется.

Следует установить, что гонорар за «успех дела» должен выплачиваться только в случае полного восстановления платежеспособности должника и должен выплачиваться за счет должника, а не за счет кредиторов, и только по решению судебной инстанции и в размере не более 100 000 лей.

Согласно части (2) ст. 116

закона РМ «О несостоятельности» любой перевод, исполнение обязательства, реализация права, акта или деяния, кроме разрешенных ликвидатором или судебной инстанцией, рассматривающей дело о несостоятельности, совершенные должником или управляющим процессом несостоятельности после открытия процедуры банкротства, являются недействительными.

В соответствии с частью (3) ст. 116 закона РМ «О несостоятельности» никакие проценты, пени или штрафы любого вида, а также никакие расходы не могут добавляться к требованиям, возникшим после дня открытия общей, а также упрощенной процедуры банкротства.

По прямому смыслу части (3) ст. 116 закона РМ «О несостоятельности» предусмотренные законом или договором пени, а также проценты за неисполнение денежных обязательств, установленные ст. 619 ГК РМ, не могут взыскиваться с должника, если нарушение обязательства имело место после открытия процедуры банкротства.

Вышеперечисленные пени и проценты за неисполнение обязательств, возникших в период процедуры реструктуризации, взыскиваются с должников, находящихся в процедуре реструктуризации, на общих основаниях.

Порядок использования и ликвидации дебиторской массы предприятия, находящегося в процедуре банкротства, установлен ст. 117-132 закона РМ «О несостоятельности».

Закон РМ «О несостоятельности» предусматривает возможность продажи имущества банкрота по частям либо возможность продажи предприятия (бизнеса должника) в целом.

Продажа предприятия банкрота в целом предусмотрена ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» и ст. 817-822 ГК РМ.

Согласно части (1) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» в ходе процедуры несостоятельности, процедуры банкротства или процедуры реструктуризации предприятие (бизнес) должника (далее – предприятие) может быть отчуждено единым имущественным комплексом только с прямо выраженным согласием собрания кредиторов.

Правовой статус собрания кредиторов установлен ст. 54-49 закона РМ «О несостоятельности».

Согласно части (2) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» продажа предприятия единым имущественным комплексом может осуществляться только после удовлетворения прав на выделение имущества, входящего в состав дебиторской массы, или с согласия владельцев этих прав. Выделение имущества осуществляется в соответствии со статьей 48.

Согласно части (6) ст. 48 закона РМ «О несостоятельности» если выделение или разделение имущества в натуре невозможны либо если они могут привести к значительному снижению стоимости имущества или к изменению с нанесением ущерба его экономического назначения, судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, своим определением может временно отнести его целиком к дебиторской массе, установив при этом срок, когда управляющий процессом несостоятельности/ликвидатор обязан выплатить суммы, представляющие собой эквивалент имущества или стоимость доли имущества, полагающегося лицу, запрашивающему выделение или разделение имущества.

Согласно части (3) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» в случае продажи предприятия отчуждаются все виды имущества, предназначенные

для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе земельные участки, здания и другие сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, работы и услуги (зарегистрированные фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, другие средства индивидуализации предприятия и его продукции, лицензии, разрешения и любые другие разрешительные акты), иные активы и исключительные права, принадлежащие должнику, за исключением прав и обязательств, не подлежащих передаче, а также требования кредиторов к должнику, включенные в окончательный реестр требований, если законом не предусмотрено иное.

Согласно части (4) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» в случае, если лица, обладающие правом на выделение имущества из состава дебиторской массы, выразили согласие в соответствии с частью (2) на продажу предприятия единым имущественным комплексом до удовлетворения их прав на выделение, покупатель становится правопреемником обязательств по удовлетворению этих прав.

Таким образом, к покупателю обанкротившегося предприятия переходят все обязательства последнего.

По нашему мнению, эту норму следует исключить. Долги обанкротившегося предприятия могут превышать стоимость его имущества в 2-3 раза. И в результате приобретения такого предприятия предприятие-кредитор понесет убытки. Поэтому долги обанкротившегося предприятия не должны переходить к его кредитору.

Согласно части (5) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» в случае продажи предприятия все трудовые договоры, действительные на момент

продажи, остаются в силе, а покупатель становится правопреемником прав и обязанностей работодателя.

По прямому смыслу части (5) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» все индивидуальные трудовые договоры, заключенные между работниками и предприятием-банкротом, действительные на момент продажи предприятия-банкрота, остаются в силе, а к покупателю переходят все права и обязанности работодателя, установленные Трудовым кодексом Республики Молдова (далее -ТК РМ) № 154-XV от 28.03.2003 года [4], другими нормативными актами, коллективным трудовым договором и индивидуальными трудовыми договорами.

Согласно части (6) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» продажа предприятия осуществляется посредством проведения аукциона или конкурса, если собранием кредиторов не установлено иное.

Процедура продажи предприятия установлена частями (7)-(11) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности».

Если продажа предприятия осуществляется посредством проведения конкурса, его условия подлежат утверждению собранием кредиторов.

Управляющий процессом несостоятельности/ликвидатор публикует сообщение о продаже предприятия должника посредством проведения аукциона или конкурса в соответствии с положениями ст. 6. сообщение должно содержать:

а) информацию о предприятии, его имуществе и порядке ознакомления с ними;

б) сроки представления заявок на приобретение предприятия, которые должны составлять не менее 15 дней и не более 60 дней со дня опубликования сообщения;

с) дату, время и форму проведения аукциона;

д) порядок регистрации участия в аукционе или конкурсе;

е) начальную (минимальную) цену продажи предприятия, установленную комитетом кредиторов или собранием кредиторов;

ф) размер суммы для участия в аукционе или конкурсе, а также сроки и порядок ее внесения;

г) критерии (условия) определения победителя аукциона или конкурса;

h) порядок регистрации результатов аукциона или конкурса;

и) сведения об организаторе продажи.

Если в течение указанного в сообщении срока получена только одна заявка на участие в аукционе или конкурсе, аукцион или конкурс не проводится. В этом случае собрание кредиторов может принять решение о продаже предприятия без проведения нового аукциона или конкурса.

Лицо, победившее на аукционе, и организатор продажи подписывают в день проведения аукциона протокол, имеющий силу договора. Управляющий процессом несостоятельности/ликвидатор должен в 20-дневный срок со дня проведения аукциона заключить с победителем аукциона договор купли-продажи предприятия.

Лицо, победившее в конкурсе, и организатор продажи подписывают в день проведения конкурса протокол, в который вносятся результаты продажи и обязательства сторон на период до подписания договора, в том числе обязанности сторон заключить договор купли-продажи предприятия в срок не более 20 дней со дня проведения конкурса.

Согласно части (12) ст. 129

закона РМ «О несостоятельности» договор купли-продажи предприятия в качестве единого имущественного комплекса подлежит подтверждению судебной инстанцией, рассматривающей дело о несостоятельности, и регистрации в Государственной регистрационной палате. Расходы, связанные с нотариальным удостоверением и регистрацией договора, несет покупатель.

Согласно части (1) ст. 8 закона РМ № 271-XV от 27.06.2003 года «О порядке исчисления платы за нотариальные услуги».

Размеры платы за удостоверение сделок, подлежащих оценке, устанавливается в зависимости от стоимости сделки в следующем порядке:

Стоимость сделки	Плата
до 20 000 леев	1,3 %, но не менее 180 леев
20 001 - 50 000 леев	1,0 %
50 001 - 100 000 леев	0,9 %
100 001 - 200 000 леев	0,8 %
200 001 - 400 000 леев	0,6 %
400 001 - 600 000 леев	0,5 %
600 001 - 800 000 леев	0,3 %
800 001 - 1 000 000 леев	0,2 %
более 1 000 001 лея	0,1 %

Размер этой платы довольно высоки: в случае купли-продажи крупного предприятия – банкрота, например, такого как А.О. «Термоком» в процедуре банкротства составит сумму, превышающую 1 миллион леев.

Поэтому следует внести изменения в часть (1) ст. 8 закона РМ № 271-XV от 27.06.2003 года, установив предельный размер платы за нотариальные

услуги за оформление договора купли-продажи предприятия – банкрота. Данный размер, по нашему мнению, не должен превышать 50 000 леев.

Согласно части (13) ст. 129 закона РМ «О несостоятельности» внесенный победителем задаток для участия в аукционе или конкурсе включается в покупную цену предприятия, а в случае отказа победителя аукциона или конкурса от подписания протокола или заключения договора купли-продажи предприятия этот задаток включается в дебиторскую массу после оплаты расходов на организацию аукциона или конкурса.

Упрощенная процедура банкротства установлена ст. 134-138 закона РМ «О несостоятельности».

Согласно части (1) ст. 134 закона РМ «О несостоятельности» упрощенная процедура банкротства, предусмотренная настоящим законом, применяется к должникам, находящимся в положении несостоятельности, которые относятся к одной из следующих категорий:

а) индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства, обладатели предпринимательского патента;

б) юридические лица, которые не имеют никаких вещей в составе своего имущества либо имущества которых недостаточно для покрытия расходов на процесс, и ни один кредитор или третье лицо не предоставляет авансов или гарантий по соответствующим суммам;

с) коммерческие или некоммерческие общества, распущенные до подачи искового заявления;

д) должники, не имеющие права на применение к ним процедуры реструктуризации, предусмотренной законом РМ «О несостоятельности».

Данная правовая норма нуждается в корректировке, т.к. в случае, когда юридическое лицо не имеет никаких вещей в составе своего имущества, процедура банкротства практически невозможна, т.к. нет средств на оплату труда ликвидатора, назначенного судебной инстанцией, и нет имущества, выручка от продажи которого может быть распределена между кредиторами.

Согласно части (2) ст. 134 закона РМ «О несостоятельности» в случае, если должник относится к одной из категорий, предусмотренных частью (1) ст. 134 закона РМ «О несостоятельности», судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, одновременно с возбуждением процедуры несостоятельности может принять решение об инициировании упрощенной процедуры банкротства и роспуске должника. При этом в своем решении о возбуждении упрощенной процедуры банкротства судебная инстанция должна распорядиться о принятии следующих мер:

а) лишение должника права управления;

б) назначение ликвидатора, а также установление его полномочий в соответствии с критериями, утвержденными настоящим законом;

с) передача не позднее чем в течение 5 рабочих дней управления имуществом от должника/временного управляющего ликвидатору вместе с учредительными документами общества, протоколами общих собраний участников (членов, акционеров, кредиторов), свидетельством о государственной регистрации предприятия, документами, подтверждающими права общества на его имущество, реестрами общества, заключениями, актами аудитора и органов налогового администриро-

вания, внутренними документами, печатью, бухгалтерскими документами должника, а также предварительным реестром требований, составленным временным управляющим, или списком, составленным должником, содержащим фамилии и адреса кредиторов и все их требования на день вступления в процедуру банкротства с указанием требований, возникших после открытия процедуры;

d) уведомление о возбуждении процедуры несостоятельности и вступлении должника в процедуру банкротства, которое должно содержать:

- предельный срок для регистрации кредиторами заявлений об утверждении требований в целях составления окончательного реестра, который должен составлять не более 45 календарных дней со дня открытия упрощенной процедуры банкротства, а также специальное обращение к обеспеченным кредиторам для незамедлительного уточнения имущества, в отношении которого они обладают преимущественным правом;

- срок проверки требований ликвидатором, составления окончательного реестра требований и оповещения о нем, который должен составлять не более 15 рабочих дней со дня истечения срока, предусмотренного для предъявления требований;

- дату, время и место заседания по утверждению требований, которое должно проводиться не позднее чем в течение 30 календарных дней со дня истечения срока, предусмотренного в подбазе втором.

Согласно части (1) ст. 70 закона РМ «О несостоятельности» управляющий/ликвидатор имеет право на вознаграждение за выполнение своих обязанностей и на возмещение связанных с этим расходов.

Особенности процедуры банкротства должника, находящегося в процессе ликвидации, установлены ст. 138 закона РМ «О несостоятельности».

Если активы общества, находящегося в процессе добровольной или принудительной ликвидации, недостаточны для удовлетворения требований кредиторов, его ликвидация производится в соответствии с настоящим законом в рамках упрощенной процедуры банкротства.

После установления обстоятельств, указанных в части (1), ликвидатор обязан в 30-дневный срок подать в судебную инстанцию, рассматривающую дело о несостоятельности, исковое заявление. При этом соответствующим образом применяются положения части (4) статьи 14 закона РМ «О несостоятельности».

Судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, не позднее чем в 30-дневный срок со дня регистрации искового заявления должна принять решение о признании предприятия, находящегося в процессе ликвидации, несостоятельным и инициировать упрощенную процедуру его банкротства. При этом процедура наблюдения и процедура реструктуризации к распущенному предприятию, признанному несостоятельным, не применяются.

Если при рассмотрении дела устанавливается, что активы должника позволяют удовлетворить требования всех кредиторов в полном объеме, судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, своим решением отказывает в признании несостоятельности распущенного предприятия. Решение судебной инстанции служит основанием для продолжения

процедуры ликвидации общества в порядке общей процедуры в соответствии с гражданским законодательством.

Литература:

1. Официальный монитор РМ № 82-86 от 22.06.2002 г.
2. Официальный монитор РМ № 193-197 от 14.09.2012 г.
3. Бюллетень Высшей судебной палаты Республики Молдова № 2-3, 2011 г.
4. Официальный монитор РМ № 159-162 от 29.07.2003 г.

ПРИНЦИПЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В МОЛДОВЕ И ИХ ЗАЩИТА

А. СОСНА,

доктор права, преподаватель юридического факультета Госуниверситета Молдовы

SUMMARY

Equality of citizens - one of the fundamental principles of constitutionalism and the elements of democracy, which means officially recognized the equality of citizens before the state, the court, ie, equality of rights, freedoms and responsibilities of citizens of one state, irrespective of gender, race, nationality, language, property and official status, place of residence, religion, creed, etc. In Moldova, this principle is enshrined in Art. 16 of the Constitution of Moldova. On an example of activity of National Institute for Women of Moldova «Equality» is described a role of a civil society on protection of the given principle.

Keywords: gender equality, Constitution, equality of citizens.

* * *

Равенство граждан - одно из основополагающих принципов конституционализма и демократии, оно означает официально признанное равноправие граждан перед государством, судом, т.е. равенство прав, свобод и обязанностей граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, имущественного положения, местожительства, религии, убеждений и т.д. В Молдове этот принцип закреплен в ст. 16 Конституции РМ. На примере деятельности Национального института женщин Молдовы «Равноправие» описывается роль гражданского общества в деле защиты данного принципа.

Ключевые слова: гендерное равенство, Конституция, равенство граждан.

Актуальность темы. Принцип равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в последнее десятилетие XX - начале XXI века выдвинулся на авансцену международной политической жизни. Идет интенсивный процесс разработки политических стратегий для достижения реального равенства обоих полов. Мировое сообщество усиливает внимание к проблематике гендерного равенства в связи с развитием процесса глобализации и рядом связанных с ним политических и социально-экономических последствий как позитивного, так и негативного характера. Организация Объединенных Наций (ООН) причисляет эту проблему к разряду глобальных, а государствам, входящим в нее, рекомендует изменять существующие гендерные модели, которые во многом ещё сохраняют систему неравных ценностей, двойных стандартов.

Интерес к решению проблемы гендерного равенства возрастает в связи с исчерпанием на планете основных видов природных ресурсов, что по-новому ставит вопрос о человеческом ресурсе как глобальном. А смена технологий развития цивилизации, характерным признаком которой является переход от силовых моделей к когнитивным, познавательным, информационным, лишь подчеркивает роль человеческого ресурса. В этой связи по-новому звучит и

проблема активизации участия женщины в жизни общества, вклада и реализации ее возможностей в развитии человеческой цивилизации с учетом того, что мужской потенциал всегда был более полно задействован в этих процессах.

Мобилизация всего человеческого потенциала, а не его отдельной, мужской, части - именно в этом состоит вызов наступившей эпохи - это всеобъемлющий процесс усовершенствования цивилизации, связанный с новым из-

мерением человеческого бытия.

Как явствует из Декларации Тысячелетия (пункт 5), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2000 г., «глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии». В этом контексте решение проблемы гендерного равенства приобретает не только актуальный, но и особо значимый характер.

Хотя в РМ был принят целый ряд законов и документов, провозглашающих равные права и возможности женщин, властью было мало сделано для их фактической реализации. На государственном и местном уровнях не был создан механизм, обеспечивающий проведение в жизнь политики гендерного равенства.

Результатом подобной индифферентной к положению более дискриминируемого пола политики явилось усиление ген-

дерной асимметрии - неравенства социальных позиций и жизненных шансов женщин и мужчин, которое даёт о себе знать, прежде всего, в двух сферах - в сфере политики, государственного управления, и в сфере занятости, на рынке труда. Специфика гендерной асимметрии или гендерного неравенства в современной Молдове проявляется в таких формах, как отстранение женщин от сфер власти, управления, полноценного участия в политике; вытеснение женщин в сферу непрестижных и малооплачиваемых профессий и видов деятельности; перегрузка бытом и не оцениваемыми обществом видами занятий; отстранение от владения собственностью, национальным богатством, и, как следствие - бедность по сравнению с мужчинами.

Парадоксальность этой ситуации в Молдове состоит в её неосознанности как со стороны женщин, так и общества в целом.

По мере того как глобализация набирает темпы и масштабы, проникает в наиболее отдалённые уголки земного шара и всё более ощутимо влияет на формирование национальной политики на государственном уровне, анализ её новых форм воздействия в такой важнейшей сфере как гендерные отношения становится всё более актуальным.

Изучение гендерной ситуации в Молдове в конце XX - начале XXI века представляет особый интерес. С одной стороны, в постсоветский период созданы возможности для развития разнообразных женских организаций и формулирования ими программы женских требований, приняты государственные законы, провозглашающие принципы гендерного равенства, с другой - гендерная асимметрия фактически усугубляется в немалой степени под воздействием

негативных факторов глобализации.

Цель исследования - выявить деятельность неправительственных организаций Молдовы в сфере защиты гендерного равенства и др. прав граждан.

Изложение основного материала. Равноправие граждан – это один из основополагающих принципов конституционализма и элемент демократии, означающий официально признаваемое равенство граждан (подданных) перед государством, законом, судом, т.е. равенство прав, свобод и обязанностей граждан одного государства независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Можно также говорить о равноправии независимо от гражданства, поскольку многие права и свободы гарантируются в РМ любой личности (это отражается формулой «все равны перед законом и судом», а также словами «каждый имеет право», «каждому гарантируется», которые используются в ряде конституционных норм).

Следует различать понятия «равенство» и «равноправие». Люди неравны по своим физическим и психическим возможностям, по уровню жизни, другим характеристикам, и в этом отношении никакое право не в состоянии уравнивать их. Социальное равенство на данном этапе и, видимо, в обозримой перспективе неосуществимо. Конституция может предоставить лишь равные права, одинаковые юридические (но не фактические) возможности пользоваться ими, а также установить равные для всех обязанности. Конечно, абсолютного равенства прав и

обязанностей для всех быть не может. Это относится также к основным правам и обязанностям в конституционном праве. Они могут быть неодинаковыми для различных групп людей (как отмечалось, определенные ограничения возможны для иностранцев, конституции говорят об особых правах молодежи, не все граждане имеют избирательные права и т.д.), но в пределах каждой группы лиц эти права и обязанности должны быть одинаковыми для всех ее членов.

Равноправие может быть осуществлено в условиях социального неравенства, однако до определенного предела, поскольку социальное неравенство оказывает огромное влияние на равноправие людей (например, при освобождении обвиняемого под залог, что практикуется во многих демократических государствах, богатый выходит на свободу, а бедный, который не в состоянии внести залог, остается в тюрьме).

Установление законом неравных прав граждан не соответствует общечеловеческим ценностям и называется дискриминацией - различием в правах. В фашистской Германии существовало неравенство в правах так называемых лиц арийской расы и других граждан (особому притеснению и даже массовому истреблению подвергались евреи), в ЮАР до принятия в 1994 г. временной конституции существовал апартеид, африканцы, другие категории небелого населения не имели прав граждан.

Большинство конституций (особенно старых) говорят о трех сторонах принципа равноправия: равенство граждан перед законом, равноправие независимо от расы и национальности, равноправие женщины и мужчины. Первое означает, что закон одинаково распространяется на всех, независимо от должност-

ного, социального положения, образования лица, каких-либо заслуг и иных качеств личности. Какие-то изъятия могут быть установлены только законом, если конституция допускает это.

Равноправие независимо от расы и национальности означает, что права граждан не могут зависеть от цвета их кожи или национальности. Во второй мировой войне были разгромлены фашистские государства, чьей официальной доктриной и практикой было национальное неравноправие граждан, в 90-х годах покончено с апартеидом в ЮАР, сегрегация (разделение белых и цветных в местах общественного пользования), существовавшая в США, давно признана Верховным судом неконституционной сначала в государственных, а затем и в частных школах, больницах, на транспорте и т.д.

Равноправие женщины и мужчины предполагает юридические условия для их одинакового участия во всех сферах общественной жизни, для равного положения в семье.

В Молдове равноправие всех граждан провозглашено и частью (2) ст. 16 Конституции РМ, согласно которой все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения.

В Уголовном кодексе Молдовы (ст. 176) закреплено, что нарушение прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией и другими законами, в зависимости от пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного, сословного

или иного положения, совершенное должностным лицом и повлекшее ущерб в значительных размерах, наказывается штрафом в размере от 300 до 600 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 150 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 3 лет с лишением или без лишения во всех случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 5 лет².

Равенство мужчин и женщин - это вопрос равенства человеческого существования. Недопустима дискриминация между мужчинами и женщинами. Исторический опыт требует относиться ко всем, как к людям, соблюдать права человека безотносительно пола³.

Равенство полов - это возможность быть на виду, обретение самостоятельности и равноправие женщин и мужчин во всех сферах общественной и частной жизни.

Это понятие предполагает признание и оценку взаимодополняемости различных ролей, присущих женщинам и мужчинам в обществе.

Обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин является одним из важных показателей продвижения общества по демократическому пути развития⁴. В 1977 году ООН приняла резолюцию 32/142, призвав все страны провозгласить 8 марта днем борьбы за равные права женщин.

В настоящее время в Республике Молдова сложился определенный механизм по защите прав и свобод, который базируется на действующем законодательстве.

Одним из важнейших механизмов защиты права равенства является деятельность неправительственных организаций Мол-

довы. Многие из них одновременно проводят мониторинг ситуации в области прав в стране, а также выполняют различные программы, направленные на обучение правам человека, информирование женщин об основных правах и свободах.

Активна деятельность неправительственных организаций в деле защиты прав равенства национальных меньшинств.

Например, в 2014 году Национальным институтом женщин Молдовы «Равноправие» был проведен проект по изучению молодежью такого явления как Холокост.

Данный проект, осуществляемый при поддержке Голландского еврейского гуманитарного фонда, направлен на развитие межэтнической терпимости и взаимного уважения.

Участвую в мероприятиях проекта, мы увидели большой интерес молодежи к данной теме. Как отмечали участники, они узнали много нового о Холокосте. Участники искренне благодарил Национальный институт женщин Молдовы «Равноправие» Голландский еврейский гуманитарный фонд, отметив, что они узнали много нового о трагедии еврейского населения Молдовы, что они стали более терпимо относиться к данной нации.

Важность темы обусловило большое количество участников, их активность и интерес к теме толерантности.

Молодежь также активно участвовала в семинарах, организованных Национальным институтом женщин Молдовы «Равноправие». Практическая значимость темы толерантности обусловило большое количество участников, их активность и интерес к занятиям. Посетив ряд данных семинаров, я наблюдал реальное развитие уважения у молодежи к представителям

иных этносов, что доказывает огромную важность занятий.

То, что в Молдове проводятся такие проекты, не может не радовать. И роль Голландского еврейского гуманитарного фонда в сфере развития толерантности в Молдове огромна и очень плодотворна.

Также Национальный институт женщин Молдовы «Равноправие» при поддержке Посольства Нидерландов в Бухаресте провел серию семинаров по праву петиций. Как отмечали участники занятий, они узнали много нового и смогут использовать полученные знания для защиты своего права на петиции. Доступность, важность и практическая значимость тем обусловили большое количество участников, их активность и большой интерес к занятиям.

Педагоги после прохождения одного из занятий активно используют полученные знания, воспитывая у молодежи знания о праве на петиции, что демонстрирует большую практическую значимость проекта для Молдовы. Занятия способствовали улучшению качества преподавания молдавских педагогов. Именно практическая значимость данных занятий обусловила большой интерес педагогов к ним. Как показало наблюдение открытых уроков, проведенных участниками лекций, использование данных методов уже положительно сказалось на качестве их преподавания в школах Молдовы, увеличилось использование ими современных методик обучения.

Можно лишь поблагодарить Посольство Нидерландов в Бухаресте за то, что благодаря их помощи в нашей стране проводятся такие проекты, что не может не радовать. И неоценимая помощь Посольства Нидерландов демонстрирует, что поддержка этой страной Молдовы осуществ-

ляется не словами, а реальными делами.

Важную роль общественные организации играют в сфере борьбы с насилием. Национальный институт женщин Молдовы «Равноправие» при поддержке проекта «Защита и расширение возможностей и прав жертв торговли людьми и домашнего насилия», который внедряется Представительством Программы Развития ООН в Молдове, Представительством Фонда по Народонаселению, Миссией Международной Организации по Миграции и Миссией Организации по Сотрудничеству и Безопасности в Европе организовал в школах Анений Ной восемь семинаров по теме противодействия насилия для воспитания нетерпимости к насилию.

Также и другие организации национальных меньшинств осуществляют проекты по защите прав граждан. Так, например, Институт иудаики, при поддержке World Jewish Relief осуществляет очень важный и интересный проект для пожилого еврейского населения. Отрадно, что благодаря помощи таких доноров национальные меньшинства, особенно пожилые, т.е. одни из наиболее уязвимых жителей Молдовы, получают реальную поддержку. Роль World Jewish Relief в данном проекте по продвижению интересов еврейского населения Молдовы очень велика и вызывает искреннее восхищение.

Выводы: Последние десятилетия XX - начало XXI века характеризуются укреплением международного сотрудничества женщин различных стран мира. Оно принимает всё более разнообразные и действенные формы: от проведения совместных мероприятий по обмену опытом и выработке всемирно значимых стратегий политической и экономической эмансипации женщин

до материальной поддержки национальных женских движений, которые еще только становятся на ноги, со стороны женских фондов из более продвинутых в достижении тендерного равноправия стран.

Становление зрелого гражданского общества означает и защиту принципа гендерного равенства со стороны НПО.

Гражданское общество - это тот исторический тип социальности, где главным действующим лицом оказывается осознавший свои общественные и индивидуальные интересы человек со всей многообразной гаммой его непосредственных жизненных потребностей и соответствующей системой ценностей.

Нами выявлена огромная роль НПО в деле продвижения гендерного равенства, защите прав и свобод граждан. Часто организации гражданского общества дополняют работу государства, способствуя защите фундаментальных прав и свобод, что демонстрирует, на наш взгляд, что гражданское общество и государство - не изолированные друг от друга части, а взаимообусловленные, хотя и не отождествляемые системы.

Литература:

- 1 Уголовный кодекс РМ. Кишинев, 2009.
- 2 Лупашку З., Мыца С. Равенство мужчин и женщин в законодательстве Республики Молдова// Femeile din Moldova. Conferința republicană științifico - practică, 25 martie 2010. Chișinău, 2010. С. 72.
- 3 Основы обучения демократии. Кишинев, 2008. С. 202-235.
- 4 Лупашку З., Мыца С. Ук. соч. С. 72.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ БЕССАРАБИИ (1812 – 1914 гг.)

А. БОРШЕВСКИЙ,

доктор истории, старший научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы

SUMMARY

XIX century is characterized by a significant transformation processes that took place on the territory of Bessarabia, which happened after 1812 in the Russian Empire. If initially, after 1812 the situation of Jews in general was favorable, then gradually (from 20 years of the XIX c.) The Russian government is taking numerous anti-Jewish acts. Under Nicholas I, was made about 600 of these laws. Nicholas I was consistently hostile to the idea of the expanding of Pale of Settlement. Age of Alexander II brought relief to certain categories of Jews. However, under Alexander III and Nicholas II once again saw a dramatic deterioration of the Jewish population of Bessarabia.

Key words: Jews, human rights, Bessarabia, Pale of Settlement, Russian Empire.

* * *

XIX в. характеризуется серьезными трансформационными процессами, имевшими место на территории Бессарабии, оказавшейся после 1812 г. в составе Российской империи. Если первоначально, после 1812 г. положение евреев в целом было благоприятным, то постепенно (с 20-х гг. XIX в.) Российское правительство принимает многочисленные антиеврейские акты. Николай I был последовательно враждебным к идее улучшения законов в интересах местожительства еврейского населения. Эпоха Александра II принесла облегчение некоторым категориям евреев. Однако уже при Александре III и Николае II снова произошло резкое ухудшение положения еврейского населения Бессарабии.

Ключевые слова: евреи, права человека, Бессарабия, черта оседлости, Российская империя.

Актуальность темы. В Молдавском княжестве еврейское население известно с XIV века, однако лишь с включением в 1812 году Пруто-Днестровского междуречья в Российскую империю их численность начала существенно возрастать: с 19013 в 1817 году до 228620 в 1897 году. К концу XIX века евреи занимали в Бессарабии третье место по численности населения, более того, в этот период Бессарабия была одной из четырех губерний Европейской России с наиболее высоким удельным весом еврейского населения. Все это демонстрирует, что исследование данной темы является важным и актуальным.

(главноуправляющий духовными делами иностранных подданных, а с 1816 года министр народного просвещения), которому император поручил руководить всеми еврейскими делами, благожелательно относились к евреям, как писал А. Голицын, за их преданность России, «в продолжение прошедшей войны доказанную».

За несколько лет до того в России был разработан комплексный законодательный акт по еврейскому вопросу – «Положение для евреев» 1804 года. Эта хартия – смесь «вольностей» и стеснений была продиктована, как говорится во вступлении к ней, «попечением об истинном благе евреев» и о «пользах коренных обывателей тех губерний, где людям сим жить дозволяется».

Все евреи были разделены на четыре класса: 1) земледельцы; 2) фабриканты и ремесленники; 3) купечество; 4) мещанство. «Полезные евреи» (фабриканты, ремесленники, земледель-

Цель статьи - исследовать правовое положение еврейского населения Бессарабии и этногосударственной политики властей Российской империи по отношению к еврейскому населению Бессарабии

Методологической основой исследования является совокупность научных принципов изучения правового положения еврейского населения Бессарабии в их взаимосвязи с общими процессами развития социально-экономической и политической жизни общества.

Исходя из цели и задач исследования, в работе используются конкретно-исторический и диалектический методы. В процессе работы широко использовались сравнительный и системный подходы.

Положение евреев после присоединения в 1812 году Пруто-Днестровского междуречья к Российской империи определялось политикой имперского правительства. В первые годы после Отечественной войны 1812 года Александр I (правил в 1801 – 1825 годах) и князь А. Голицын

цы) были освобождены от наложенной ранее (в конце XVIII в.) двойной подати. Однако осталось в силе ограничение права жительства чертой оседлости. Несправедливо возложив на евреев вину за пьянство и бедность крестьян, Положение 1804 года запретило им проживать в деревнях и селах.

Правовое положение евреев Бессарабии имело некоторые особенности. Дело в том, что Бессарабия была плацдармом распространения влияния Российской империи на Балканах. Правительство, заинтересованное в ускоренном заселении и развитии этого края, предоставляло населению ряд льгот. Некоторые из них – например, освобождение от налогов на три, затем еще два года, согласно «Правилам временного правления Бессарабией» от 1813 г. – распространялись и на евреев, поскольку, в соответствии с указаниями Петербурга, торговля должна была стать главным предметом внимания местных гражданских властей.

В 1818 г. Александр I утвердил «Устав образования Бессарабской области», по которому население края, «согласно с местным положением вещей», делилось на 9 категорий. Одну из них, последнюю по порядку перечисления, составляли евреи. В Уставе говорилось: «евреи разделены быть имеют между условиями купцов, мещан и земледельцев»; в уплате казенных податей, отправлении земских повинностей они должны участвовать «наравне с прочими мещанами, купцами, земледельцами». Евреям разрешалась «покупка участков – пустопорожных земель, единственно из казенного ведомства, для хлебопашества и для заведения фабрик, на коих производить они будут работы посредством наемных людей». Предоставлялось право «иметь в

откупном содержании питейную продажу в имениях казенных и частных, содержать мельницы, винокурни, пивоварни и прочие тому подобные заведения».

В документе прежде всего обращает на себя внимание ограничительный перечень конкретных прав, предоставленных евреям. Нигде в российских законах нельзя было найти положения о том, что люди соответствующей национальности или вероисповедания должны платить подати наравне с другими, имеют право заниматься промыслами, приобретать имущество, брать откупа, заводить фабрики, нанимать рабочих и пр. – все это предполагалось естественным результатом общечеловеческих и гражданских прав. Но по отношению к евреям власти исходили из того, что сами по себе они не пользуются в России никакими правами, потому все не дозволенное им положительным законом считается запрещенным.

В соответствии с указом 1830 г. евреи, желавшие переселиться в Бессарабию, освобождались на 10 лет от уплаты пошлины за торговые свидетельства; указанная льгота продлевалась затем в 1839 и 1849 гг. Положение 1833 г. освобождало жителей Кишинева от натурального постоя. Указом 1839 г. лица, построившие в Кишиневе дома, лавки, фабрики и пр., могли не вносить гильдейские сборы. По отношению к Бессарабии была установлена в 1838 г. льгота и для евреев-врачей; здесь, как и в Новороссии, они могли, в виде исключения, поступать на государственную службу.

Евреи Бессарабии пользовались правом найма рабочей силы, в то время как в западных губерниях Положения комитета министров и сенатский указ от 1820 г. «О недержании евреями в домашнем услужении христиан» толковались расширитель-

но: запрещалось производить ремесленные работы для евреев, обрабатывать их земли, перевозить их на своих лошадях и т.п. Однако впоследствии специально изданный закон установил, что евреи, поселившиеся на казенных землях, могут нанимать лишь единоверцев, в уложении о наказаниях была введена статья «незаконный наем евреями христиан». Эти меры, имевшие цель воздвигнуть стену между евреями и окружающим населением, мотивировались опасением «сращения» в иудаизм. Экономическая непрактичность запрета толкала стороны на обход его; так, сидевшие до 70-х гг. XIX в. на казенных землях еврей-земледельцы Новых Каушан и Чимишлии, когда площадь запашки превышала рабочие возможности семьи, нанимали в сезон поденщиков из числа пришлых. С 1857 г. наем работников-христиан «для пособия в хлебопашестве» был разрешен официально.

Отметим большую часть сохранившихся в «Правилах» и «Уставе» ограничений. Прежде всего, евреям запрещалась покупка населенных имений, равно как и содержание их во временном пользовании, а также приобретение вообще земли в собственность, кроме пустопорожных земель казенного ведомства. Из этих запретов безусловно соблюдался первый, соответствовавший интересам помещиков. Второй же нередко обходился, поскольку формально был установлен в интересах крестьян. Являясь на деле посессором имения (т.е. распоряжаясь не только землей, но и повинностями), предприниматель-еврей числился управляющим, приказчиком и т.п., посессором же – подставное лицо из христиан. Иногда сделка облекалась в другую форму – откупа урожая и крестьянских повинностей на

определенный срок. Не всегда соблюдался на практике и третий запрет. Так, 10 еврейских земельно-сельскохозяйственных колоний, основанных в 30-50 годы XIX в. в Сорокском, Бельцком и Бендерском уездах, создавались на землях, арендованных, а затем и купленных у помещиков купцами-евреями Гинзбургом и Выводцевым.

В 1862 г. евреи получили право покупать помещичьи земли (с рядом ограничений). Однако в 1882 г. совершение купчих на земли в черте оседлости было приостановлено, а с 1903 г. у евреев отнято право покупать земли повсеместно. К тому времени евреям Бессарабии принадлежало 60-65 тысяч десятин – из 4 миллионов 60 тысяч, составляющих площадь губернии. Около 3 тысяч десятин были собственностью шести оставшихся еврейских колоний, остальное распределялось между средними и немногими крупными владельцами. «В общем, еврейское землевладение в Бессарабии так ничтожно и так невинно, что оно не вызывает нареканий даже среди заклятых врагов еврейства вообще и бессарабских евреев в частности», – отмечал бывший губернатор области князь С. Д. Урусов.

Из других существенных ограничений, предусмотренных «Уставом» 1818 г., отметим запрещение евреям (как и цыганам) «вступать в государственную службу, как военную, так и гражданскую и приобретать заслугами чины и прочие достоинства».

Далее, на евреев не распространялось освобождение жителей Бессарабии от рекрутской повинности, действовавшее до 1874 г.; они должны были отправлять ее в денежной форме. И введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности не принесло евреям равноправия. В самом тексте устава не содержалось

каких-либо статей, дискриминирующих евреев. Однако евреи дискриминировались в предоставлении льгот по семейному положению, при освидетельствовании по недоразвитости, при выверке посемейных списков, наконец, в отношении ответственности за неявку (предусматривалось наложение штрафа в 300 рублей на семью призываемого даже в случае невозможности содействовать явке). В результате евреи привлекались к исполнению воинской повинности в большем относительно размере, нежели прочие. Так, из официального отчета, сопоставленного с данными переписи 1897 г., явствует, что в призывных списках за 1900 г. призывники-евреи составляли 5,49% всего еврейского населения, тогда как для прочих соотношение выражалось цифрой 4,13%.

Особо следует сказать о таком проявлении дискриминации, как ограничение свободы жительства и передвижения. Известно, что евреи в России были ограничены правом оседлого жительства – т.е. правом приписки, с которым связывались права гражданства, отправление купеческих и мещанских промыслов, – не по всей территории государства, а лишь в определенной ее части: губерниях западных и южных, Царстве Польском*. Также в черту оседлости вошла и Бессарабия. Черта оседлости (полное название – черта постоянной еврейской оседлости) – это территория, в пределах которой законодательством Российской империи было разрешено проживать евреям. Все это территории, где евреи жили издавна, российское правительство лишь признало их существование в том виде, как оно допускалось ранее местными законами.

Как уже отмечалось, «Устав образования Бессарабской области» (1818 год) сохранял за ев-

реями привилегии, полученные ранее от молдавских господарей, в том числе самостоятельное общинное устройство (оно предусматривалось и «Положением для евреев» 1804 года). Над местными общинами стояли выборные представительные органы – уездные и губернские кагалы, осуществлявшие по отношению к первым административные и судебные функции. Такой подход в целом соответствовал сословно-корпоративному устройству тогдашнего русского общества, только основные выделения были специфичными – вероисповедным.

В 1835 году был издан сборник законов, явственно выдававший намерение правительства использовать кагал в качестве своего орудия при проведении в жизнь дискриминационных мер. Ему вменялось в обязанность следить за соблюдением правительственных постановлений и проверять, уплачены ли все налоги. Он должен был ежегодно представлять органам городского самоуправления и государственному казначейству отчеты о расходах и доходах. Конкретно в ведение кагалов как религиозно-общественных организаций входили: приписка евреев к общинам, ведение метрических записей, выдача паспортов и видов на жительство, брачные дела, самораскладка государственных податей, рекрутская повинность, самообложение для специальных еврейских нужд, синагоги и молитвенные дома, общественные бани и больницы, погребальные братства, кладбища, общественное призрение стариков, нищих, сирот, еврейские школы.

О взгляде правительства на кагалы дает представление «Положение» об этих органах 1840 года: «Должность кагала есть наблюдать под строгой ответственностью: 1) чтобы предписания начальства, собственно к

сословию местных жителей из евреев принадлежащие, были исполняемы в точности; 2) чтобы исправно поступали с каждого лица или еврейского семейства подати казенные, сборы городские и общественные; 3) чтобы расходы, возложенные на сословие евреев его ведомства, были выполняемы надлежащим образом». Вся деятельность кагалов протекала под контролем представителей власти.

Руководители кагала получили права купцов второй гильдии, однако при этом от них потребовали принести присягу на верность властям, обязавшись выполнять все приказы администрации, поставлять рекрутов в армию, готовить переписные листы, взимать налоги и заботиться о поддержании законности и порядка.

Характерной особенностью правового положения евреев была взаимная ответственность (круговая порука) членов общин, равно как и самих общин, рассматриваемых как юридические единицы.

Кагальная организация, консервируя сложившийся религиозно-бытовой уклад как основу национальной жизни, поддерживала религиозно-национальную сплоченность евреев и в известной мере защищала еврейство от ударов извне. В то же время она, несомненно, поддерживала обособленность евреев, отчуждение их от окружающих.

В рассматриваемый период кагално-раввинское управление, в том числе и в Бессарабии, имело выраженный олигархический характер, сосредоточиваясь в руках наиболее богатой и религиозно образованной верхушки еврейских общин.

В 1844 году кагалы были полностью упразднены. Еврейское население перешло в ведение общих органов управления, в ко-

торых участие его представителей было очень ограниченным. Указ определял, что в каждом месте, где евреи живут по праву, они подчиняются городской или земской полиции во всех делах, входящих в ее компетенцию. В том, что касается сословной принадлежности, имущественных вопросов и податей, евреи были подчинены органам самоуправления тех городов, в которых они зарегистрированы.

Из указа видно, что община утратила последние остатки своей автономии, но вместе с тем осталась обособленной единицей и по-прежнему страдала от постоянной дискриминации. Более того, еврейские общества должны были выполнять две наиболее обременительные для еврейского населения обязанности: собирать подати и поставлять рекрутов. Сборщики податей и рекрутские старосты, выполняя волю властей, вызывали к себе все возрастающую ненависть еврейского населения.

Однако, несмотря на то, что функции кагала были переданы городским властям, обособление евреев от христиан не исчезло, и первые подвергались дискриминации в качестве отдельного сословия городского населения.

В декабре 1840 года был образован Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России. Одним из главных направлений деятельности комитета стало радикальное изменение системы еврейского образования. Министр просвещения, граф С. Уваров, писал Николаю I, что основным препятствием к «распространению просвещения» среди евреев является «ложное предубеждение, будто Талмуд должно считать необходимым для евреев учением». Он предложил создать сеть школ, в которых Талмуд преподавался бы лишь формально, а основное внимание уделялось

светским предметам. Антиталмудическую направленность новых школ предполагалось держать в тайне, дабы не оттолкнуть от них различные слои еврейского населения, включая маскилим*, которым власти отводили значительную роль в практическом осуществлении проекта. В известной мере этот проект был инспирирован открытием по инициативе маскилим еврейских школ с преподаванием религиозных и светских предметов в ряде городов. В 1822 году в Умани была открыта еврейская школа, также в Одессе с 1826 года действовала еврейская школа. К началу 1840-х годов одесская школа привлекла внимание министра просвещения, начавшего в тот период активно интересоваться темой еврейского образования. 20 января 1841 года Уваров составил запрос попечителю одесского учебного округа Вильгельму Кармору с требованием дать описание Училища. Кармор выполнил это поручение и в ответном письме дал подробную и содержательную характеристику объекту интереса Уварова.

Содержание отчета Кармора показывает, что опыт одесского училища мог оказаться весьма привлекательным для целей будущей реформы. Во-первых, здесь было преодолено «вредоносное влияние Талмуда», о котором в «Еврейском комитете» Киселева уже сложилось весьма недоброжелательное мнение. Во-вторых, в школе было хорошо поставлено преподавание русского языка, что Уваров видел непременным условием успешной интеграции, и, в-третьих, школа была финансово самостоятельна (бюджет школы складывался из «коробочного сбора»).

Уже следующая школа (третья в России), открытая в Кишиневе в 1838 году, весьма «успешно» скопировала этот образец.

Школьная реформа была не-

гитивно встречена в еврейском обществе, она нашла поддержку лишь в некоторых общинах на юге России (в основном в Новороссии) и у незначительной группы маскилим.

В 1844 г. был издан указ о коробочном сборе, согласно которому он должен был в первую очередь обеспечивать уплату государственных налогов и долгов общины; лишь после этого поступления от сбора могли использоваться на содержание еврейских школ, устройство сельскохозяйственных поселений и благотворительные цели.

Касаюсь органов управления, отметим, что в южных губерниях, включая и Бессарабию, где евреев было значительно меньше, чем в западных, меньше было поначалу и ограничений. По Своду законов от выборных лиц иудейского вероисповедания требовалось лишь носить немецкое или польское платье и знать русский, немецкий или польский язык. Поэтому в Кишиневскую городскую думу (была создана в 1817 году) вошел в 1819 году и представитель от евреев. С 1819 по 1828 годы евреи Кишинева, недовольные указанными условиями, не представляли своих кандидатов. С 1828 по 1840 годы представители от евреев имелись и в думе и в магистрате (последний ведал городским строительством и хозяйством). В 1831 – 1833 годах, например, в думе был один ратман-еврей из четырех, в магистрате – два или даже три из четырех. Однако после того, как в Своде законов 1842 года было опущено указание, что участие евреев в этих органах ограничивается третьей составом лишь в западных губерниях, дискриминационное правило стало применяться повсеместно.

Между тем с упразднением в 1844 г. кагалов, органы городского и сословного управления при-

обрели для еврейского населения особое значение. По делам полицейским евреи были поставлены в непосредственную зависимость от городской или земской полиции, должность ратмана которой была им недоступна, по делам о правах состояния, хозяйственным и податным – в зависимости от дум и магистратов (последним, в частности, передали заведование коробочным и другими сборами и доходами еврейских общин). Судебные дела находились в компетенции магистратов или уездных судов, где евреи вообще не имели представительства.

После судебной реформы (проведена в Российской империи в 1864 году, в Бессарабии в 1869 году) в Бессарабии в декабре 1869 года был создан институт мировой юстиции. Новый суд, кроме интереса новизны, быстро сделался популярным своей доступностью, быстротой и несложностью формальностей сравнительно с прежним судом. Процесс в мировом суде основывался на принципе состязательности, то есть суд являлся не более как посредником между спорящими сторонами и произносил свои приговоры, основываясь исключительно на данных, предоставленных ему тяжущимися. Как отмечалось в прессе того периода, истцами по гражданским делам в мировых судах являлись большей частью евреи, а ответчиками – лица других национальностей.

Зависимость от деятельности местных органов самоуправления заставляла еврейское население выступать за расширение представительства в них. Так, в 1845 году кишиневские евреи ходатайствовали о допуске их к выборам городского головы, но местные греки воспротивились и областное правление отказало. В 1856 году, минуя местное начальство, евреи Кишинева об-

ратились с такой же просьбой к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору графу Строганову. Тот, руководствуясь прецедентом Одессы, предписал областному правлению удовлетворить ходатайство. Однако уже в 1857 году, в ответ на запрос министра внутренних дел Ланского, кишиневская дума предложила, «в отвращение могущих произойти злоупотреблений, по склонности евреев к проискам», допускать их к выборам городского головы и гласных лишь там, где численность евреев больше численности христиан, ограничивая притом представительство первых третью членов думы.

Городовое положение 1870 года сохранило в действии прежние правила о неизбрании евреев городскими головами и о том, что в составе дум должно быть не более трети гласных-евреев. Но еврейскому населению разрешено было участвовать в выборах гласных-христиан и городского головы, что увеличило его влияние на городские дела. Изданное же в 1864 году Положение о губернских и уездных земских учреждениях не содержало ограничений, в результате чего евреи не раз избирались и гласными земства, и членами земских управ. Так, принципиальной основой земского самоуправления было привлечение к руководящей работе представителей всех сословий (а не только тех, кто платит налоги). Личный состав органов земств не принадлежал к профессиональному чиновничеству, так как исполнял свои обязанности не по назначению правительства, а по выбору местного населения. Избирали и могли быть избранными мужчины русского подданства старше 25 лет, владеющие в пределах уезда определенным количеством земли, леса, недвижимостью. По Положению 1864

года «единственным видимым признаком для определения степени участия каждого в хозяйственных интересах уезда есть то количество имущества, которым владеет в уезде то или иное лицо». Имущественный ценз не устанавливался для крестьян, входивших в состав сельских обществ, для остальных избирателей ценз был одинаков – требовалось владение недвижимостью, оцененной не менее, чем в 15000 руб., или количеством земли от 125 до 800 десятин. Избирательного права лишались: лица, состоявшие под судом или следствием, уже привлекавшиеся за разного рода преступления, отстраненные от должности в течение трех лет, лишенные духовного сана за пороки и исключенные из сословных обществ, состоявшие под гласным надзором полиции. Как видим, данный законодательный акт, введенный в Бессарабии в 1868 г., не ограничивал права еврейского населения.

Однако в эпоху контрреформ 80-90 годов XIX века началось попятное движение. В 1890 году евреи были устранены от участия в земских избирательных собраниях и съездах. Положение об уездных и губернских земских учреждениях 1890 года гласило: «евреев, впредь до пересмотра действующих о них узаконений, не допускать к участию в земских избирательных собраниях и съездах». Городовое положение 1892 года подтвердило и расширило запрещение – евреи не могли ни избирать, ни избираться в городские органы: «евреи не допускались к участию в городских избирательных съездах и собраниях домохозяев, а также к занятию должностей по городскому общественному управлению и к заведованию отдельными отраслями городского хозяйства и управления. В городских поселениях губерний, в которых евреям

дозволялось постоянное жительство, евреи допускались к исполнению обязанностей городских гласных или уполномоченных». В то же время было отмечено, что «по каждому городскому поселению местной Управой или городским старостой ведется особый список евреев, которые на основании Городового Положения могли бы быть избираемы в городские гласные или уполномоченные. Из внесенных в список лиц избирались местным по земским и городским, либо по городским делам Присутствием городские гласные или уполномоченные в числе, определяемом Министром внутренних дел, не свыше, однако, одной десятой части общего состава Думы или Собрания» (это мотивировалось «вредным влиянием еврейского элемента на ход городского управления»). Лишенные всякого общественного влияния, эти гласные не играли существенной роли. Поскольку евреи не были представлены в комиссиях, ведавших раскладкой налогов, поддержанием чистоты улиц и пр., они нередко облагались платежами и повинностями в размерах, непропорциональных собственности и доходам.

Примерно такой же была судьба участия евреев в сословных органах – купеческих и мещанских. В 1846 году бессарабское областное правление запросило Сенат, могут ли евреи и караимы избираться в сословный коммерческий суд. Ответ был отрицательным. Так продолжалось до 1866 года, когда в кишиневский коммерческий суд впервые вошли два еврея. Однако генерал-губернатор П. Е. Коцебу объявил выборы недействительными, причем не только потому, что среди избранных оказались евреи, но и в силу самого факта участия евреев в выборах.

В другие сословные и профессиональные органы (бирже-

вые комитеты, купеческие, мещанские, ремесленные управы) евреи допускались со строгими ограничениями. Еврей не мог быть ремесленным головой, даже если подавляющее большинство ремесленников составляли евреи.

Дискриминационные правила диктовались и частному предпринимательству. Так, с середины 80-х годов XIX века Министерство внутренних дел, утверждая уставы акционерных обществ, товариществ на паях и пр., требовало включать в них параграфы, ограничивающие или запрещающие участие евреев в управлении такими предприятиями.

В 1886 году была введена в России процентная норма для приема евреев в университеты. В пределах черты оседлости процентная норма составляла для мужских гимназий и университетов в 10% от всех учеников, в остальной части России – 5%, в столицах – 3%.

В 1882 году военный министр распорядился, чтобы в русской армии было не более 5% евреев-врачей и фельдшеров от общего медицинского персонала.

Одной из немногих сфер, где еще оставались евреи, была адвокатура и институт присяжных поверенных. Однако и здесь были сделаны попытки ввести ограничения, причем снова на ведомственных уровнях. Так, в 1889 году министр юстиции Н. Манасеин провел в качестве временной меры постановление, приостанавливающее принятие в число присяжных поверенных «лиц нехристианских вероисповеданий ... до издания особого закона». В секретной части постановления подчеркивалось, что министерство юстиции не будет выдавать разрешение на зачисление в присяжные поверенные ни одному еврею, пока не будет установлена соответ-

ствующая процентная норма по всей стране. Необходимость этой меры объяснялась низкими моральными качествами евреев.

Новый закон «Об именах» 1893 года установил уголовное наказание для каждого еврея, если он называл себя в документах не тем именем, под которым был записан в метрических книгах.

В 1883 году Министерство внутренних дел особым циркуляром запретило еврейским театрам играть пьесы на языке идиш, т.к. эти представления «имеют целью подъем национального духа».

Новый паспортный устав 1894 года повелел в паспортах у евреев описывать их наружные приметы. Кроме евреев, это делали лишь у неграмотных или состоящих под надзором полиции.

Со вступлением на престол Николая II (1894 год) указанный курс продолжился.

Выводы. Таким образом, правовое положение еврейского населения Бессарабии было тяжелым, они были существенно ограничены в правах.

Если первоначально, после включения в 1812 году Бессарабии в Российскую империю, положение евреев в целом было благоприятным. В 1814 году Александр I выразил еврейским кагалам, в связи с поведением евреев в Отечественной войне 1812 года, «милостивейшее расположение». Николаевская эпоха ознаменовалась ощутимым ухудшением положения российских, а в известной мере и бессарабских евреев. Николай I был инициатором многих ограничительных законов и вникал практически во все мелочи еврейской жизни.

Эпоха «великих реформ» Александра II принесла облегчение некоторым категориям евреев. Были упразднены школы

и батальоны военных кантонистов, все кантонисты моложе 20 лет, кроме евреев, принявших христианство, были возвращены родителям. В пределах черты оседлости гражданская служба формально была открыта для всех лиц с высшим образованием.

Однако в период правления Александра и Николая положение еврейского населения снова существенно ухудшилось.

По оценке историка Н. Д. Градовского - видного чиновника министерства внутренних дел, ведавшего делами нехристианских конфессий, - евреи «являлись как бы вовсе лишенными прав русского гражданства»; по выражению известного юриста И. Г. Оршанского, евреи составляли в России какое-то «особенное сословие полуграждан».

Урусов отмечал, что «высшим руководством губернских правлений велась против живших в сельских местностях евреев оживленная партизанская война».

Литература:

1. Краткая еврейская энциклопедия. Том 7. Иерусалим, 1994. С. 311.
2. Мадиевский С. Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX в. // Кишиневский погром 1903 года. Сборник статей. Кишинев, 1993. С. 11.
3. Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 1818. С. 21.
4. Мадиевский С. Указ. соч. С. 12-13.
5. Бессарабская губерния // Еврейская энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1908 – 1913 гг.) в 16 томах. Том 4. СПб., 1908–1913.
6. Мадиевский С. Указ. соч. С. 13.
7. Урусов С. Д. Очерки прошлого. Записки губернатора. М., 1907. С. 3.

8. Устав образования Бессарабской области. С. 22.

9. Россия. Эпоха «Великих реформ» (1855–81) // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>

* Территория черты оседлости была первоначально определена указом Екатерины II от 1791 года как территория империи, где дозволялось селиться и торговать евреям.

10. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Части 5 – 6. Тель-Авив, Открытый университет, 1995. С. 232.

11. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев ... С. 494.

12. Там же.

13. Мадиевский С. Указ. соч. С. 22.

14. Высочайше утвержденное 19 декабря 1844 года Положение о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением еврейских кагалов // Муниципальное право. 2002. № 3. С. 78-80.

15. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Части 5 – 6. Тель-Авив, Открытый университет, 1995. С. 235.

16. Levitats I. The Jewish Community of Russia, 1844-1917. Jerusalem, 1981. P. 10-11.

* «Маскилим» называли поборников светского знания, которое они стремились распространить среди евреев при помощи еврейской литературы.

17. Баркуцкий И. Исправление нравов или равноправие? (Варианты просветительского подхода к еврейскому вопросу в царствование Николая I). Постановка проблемы // Цайтшрифт. Журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии. Том 6 (1). Минск-Вильнюс, 2011. С. 47.

18. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 97. Д. 21. Л. 4-22 // Баркуцкий И. Указ. соч. С. 47.

19. Баркуцкий И. Указ. соч. С. 47.

20. Россия. Евреи России в первой половине 19 века // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>

21. Бессарабские областные ведомости. 1870. 15 августа.

22. Городовое положение 1870 г. // Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. Хрестоматия по истории России. С древнейших времён до наших дней. М., 1999. С. 300-301.

23. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю. П. Титов. М., 1997. С. 262-263.

24. Кустрябова С. Ф., Боршевский А. П., Захария С. К. Местное управление и административно-территориальное устройство Молдовы с древних времен до наших дней. Комрат, 2002. С. 16.

25. Положение об уездных и губернских земских учреждениях 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. X. Отделение 1-е. СПб., 1893. Ст. 6927. С. 493-501.

26. Боршевский А. Права еврейского населения Бессарабии, МССР и Республики Молдова в XX веке // Сборник научных трудов Института иудаики. Выпуск I. Кишинев, 2011. С. 76.

27. Городовое положение 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1895. Т. 12 (отд. 1). Статья 8708. С. 430-456.

28. Мыш М. И. Руководство к русскому законодательству о евреях. СПб., 1898. С. 401.

29. Мадиевский С. Указ. соч. С. 24.

30. Кандель Ф. Очерки времён и событий. Из истории российских евреев (часть третья: 1882 – 1920 годы). Иерусалим, 1994. С. 56.

31. Энгель В. Курс лекций по истории евреев в России. Тема 8. Период реакции в царствование Александра III. Погромы. Истоки еврейских национальных движений. <http://jhistory.nfurman.com>

32. Кандель Ф. Очерки времён и событий. Из истории российских евреев (часть третья: 1882 – 1920 годы)... С. 69.

33. Там же. С. 70.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В. ЕНИКОВ,
эксперт, Institutul de Politici Publice

SUMMARY

The purpose of this article is to reveal the social essence of security and identification hypostasis in which it manifests itself: as need, interest, a sense, purpose and result of specialized activities, value, social function, relation, process, system, a branch of science, an art form.

Keywords: security, social function, social phenomenon.

Целью данной статьи является раскрытие социальной сущности безопасности и выявление ипостасий, в которых она проявляется: как потребность, интерес, ощущение, цель и результат специализированной деятельности, ценность, социальная функция, отношение, процесс, система, отрасль науки, вид искусства.

Ключевые слова: безопасность, социальная функция, социальное явление.

Введение. Безопасность людей, их защищенность от различных опасностей и угроз волнуют человека как существо разумное (homo sapiens) с первых лет его жизнедеятельности. На ранних стадиях функционирования и развития человеческого сообщества его безопасность сводилась главным образом к защите от опасного воздействия природных явлений, к способности человека обеспечивать свое существование. В последующем по мере институализации общественных отношений потребовалась защита людей не только от естественных опасностей и угроз, но и от опасностей и угроз, создаваемых самим человеком. Необходимым условием безопасности человеческого общества стали не только предупреждение и пресечение опасностей и угроз, исходящих от «сил природы и различных несчастных случаев», но и от «злой воли людей» [7, с. 36].

Жизнь людей во все времена была небезопасна. С момента рождения человека подстерегают многочисленные опасности его существованию и благополучию: голод, болезни, хищные животные, природные стихии, техногенные катастрофы. Но самой большой опасностью для людей всегда был и остается сам человек, движимый завистью, корыстью, ненавистью, агрессивностью и

другими негативными страстями и мотивами поведения, порождающими войны, убийства, хищения, другие преступления, асоциальные и антигуманные действия [5, с. 88-89].

Соответственно, потребность в безопасности принадлежит к числу базисных мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности, как у любых других живых существ.

Целью данной статьи яв-

ляется раскрытие социальной сущности безопасности и выявление ипостасий, в которых она проявляется: как потребность, интерес, ощущение, цель и результат специализированной деятельности, ценность, социальная функция, отношение, процесс, система, отрасль науки, вид искусства.

Изложение основного материала исследования. Осознание социумом жизненной необходимости своей безопасности, обеспечения ее достаточного уровня являлось на протяжении практически всей истории человеческой цивилизации стимулом особого интереса людей к этому явлению, его всестороннему изучению и осмыслению. Первые представления о безопасности сводились главным образом к пониманию ее как такого состояния окружающей человека среды, когда в ней отсутствуют опасности, т. е. условия и факторы, угрожающие индивидам или их сообществам в форме семьи, населения, государства. В дальнейшем, с началом бурного научно-технического прогресса, в процессе становления и укрепления национальных государств теоретические представления о безопасности обогащались и развивались, ее оценки как явления постоянно корректировались и уточнялись, формировались новые парадигмы безопасности и ее обеспечения [7, с. 36].

Теоретические наработки по проблемам безопасности за многовековую историю человеческой цивилизации свидетельствуют о том, что безопасность представляет собой предельно широкое явление. В современных услови-

ях в зарубежной и отечественной науке безопасность характеризуется не только как отсутствие опасностей, угрожающих индивиду, обществу и государству, но и как наличие условий для достойной жизни людей, удовлетворения и реализации их потребностей и интересов, как стабильное состояние общества, его качественная определенность, устойчивое и прогрессивное развитие в системе международных отношений [2, с. 87]. Она рассматривается и как свойство социума сохранять свои целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию, и как вид деятельности, система мер, направленных на предотвращение опасности [7, с. 37].

Безопасность – сложное социальное явление, многоплановое и многогранное в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающее противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов. Нередко одни из них стремятся обеспечить свою безопасность за счет других либо не считают с интересами безопасности иных людей, групп, народов. Мыслят устаревшими категориями и эгоистическими ценностями, игнорирующими ту основополагающую закономерность, что безопасность в эпоху нарастающей глобализации – неделима. Отсюда – обусловленность проблематики безопасности субъективными позициями, неоднозначными оценками, фрагментарными суждениями. В методологическом плане важно иметь целостное представление

о безопасности как социальном явлении [5, с. 90].

Буквально дословно безопасность означает отсутствие опасности. Подобное представление еще называют безопасностью в узком значении этого слова. В практическом плане такое значение имеет достаточно условный характер, поскольку в реальной жизни ситуации с полным отсутствием угроз встречаются довольно редко.

Более реалистичным является широкое значение безопасности, вытекающее из фактического взаимодействия индивидов и социальных объектов с многочисленными обстоятельствами и факторами, оказывающими на них негативное и деструктивное воздействие. Предотвращение, ослабление, нейтрализация этих воздействий, наносящих ущерб существованию, благополучию, нормальному функционированию людей, социальных объектов, а также поддержание их жизнедеятельности на уровне не ниже предельно допустимых (критических) значений и дает представление о безопасности в более широком плане. Вместе с тем существуют еще несколько смысловых значений безопасности как социального явления [5, с. 90]:

- безопасность как потребность и интерес;
- безопасность как ощущение и ценность;
- безопасность как социальное отношение;
- безопасность как результат и процесс;
- безопасность как социальная функция;

- безопасность как система;
- безопасность как наука и искусство.

Безопасность как потребность и интерес. Прежде всего люди испытывают нужду в таких условиях существования, когда их жизни, собственности, благополучию не угрожают какие-либо деструктивные факторы. Эта потребность имеет объективный характер, поскольку все люди уязвимы, независимо от их физических данных, степени богатства и власти, других ресурсов. Потребность в безопасности реализуется как на индивидуальном, так и на коллективном (групповом), общественном уровнях.

Следует подчеркнуть, что в отличие от многих других потребностей нужду в безопасности невозможно полностью удовлетворить. Она присутствует всегда и требует постоянного к себе внимания, поскольку в различных ситуациях нас подстерегают самые разные опасности [6, с. 30].

Субъективное осознание потребности находит выражение в форме интереса, стимулирующего и направляющего деятельность людей. Интересы многоплановые, многоуровневые и отражают различные потребности. В том числе потребность в безопасности, относящуюся к базисным, первоочередным потребностям людей и социальных общностей. Помимо непосредственных интересов безопасности (личности, общества, государства), сопряженных с наличием различных угроз выживанию и существованию

данных субъектов, существуют жизненно важные интересы индивидов, социальных общностей, народов, наций, ущемляемые противоположными им субъектами и нуждающиеся в защите. Их реализация и неуязвимость обеспечивает необходимые условия для полноценного существования и успешного развития индивидов и социальных субъектов. В особую группу выделяются интересы обеспечения безопасности, относящиеся к специализированным органам и силам, осуществляющим соответствующие функции, а также к применяемым средствам и мерам безопасности [5, с. 90].

Безопасность как ощущение и ценность. Людям свойственно ощущать свою безопасность или небезопасность на основе тревожных сигналов и восприятий органов чувств, инстинктивных реакций организма, интуиции, т.е. безопасность (небезопасность) в этом плане имеет значение субъективного представления индивидов об отсутствии (наличии) угроз своему существованию. Оно помогает корректировать линию своего поведения и избегать опасностей. Правда, ощущение безопасности может быть обманчивым и не отражать истинного положения вещей. Дело в том, что не все угрозы непосредственно действуют на органы чувств человека, особенно исходящие от других людей, скрывающих и маскирующих свои истинные намерения. Тем не менее не стоит пренебрегать своими ощущениями, игнорировать их.

Возможность жить, не под-

вергая себя различным рискам и опасностям, высоко ценится в человеческом обществе. Это означает, что безопасность приобретает форму внутренней ценности и реализует себя в индивидуальном и общественном сознании. Характерно, что эта ценность имеет универсальный характер и признается в качестве фундаментальной всеми людьми, вне зависимости от их расы, национальности, пола, возраста, социального положения.

В мирных условиях, в достатке, в размеренной и спокойной жизни ценность безопасности отходит на второй план и не актуализируется. Социальные потрясения, бедствия, войны, террористические акты обостряют ее значение, выводят в число наиболее востребованных людьми и обществом [8, с. 8]. Весьма характерно, что события 11 сентября 2001 г. буквально перевернули общественное сознание в США. И для американцев ценность безопасности – личной и национальной – оказалась выше ценности свободы, имевшей наивысший статус [5, с. 92].

Безопасность как основная ценность и право человека впервые стала рассматриваться в рамках западного мира в революционный период его истории. Важнейшие правовые акты, знаменовавшие политическую победу третьего сословия – торговых ремесленных слоев западного общества, прямо провозглашали безопасность одним из неотъемлемых естественных прав человека. В Билле о правах 1689 г.,

принятом в Англии, в американской Декларации независимости 1776 г. и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. прямо или косвенно безопасность рассматривалась в качестве естественного права человека наряду со свободой, ответственностью и сопротивлением угнетению [8, с. 4].

Безопасность как социальное отношение. Довольно распространенным является значение безопасности как определенного социального отношения, характеризуемого взаимным доверием, отсутствием у сторон агрессивных и злонамеренных устремлений. Чтобы закрепить отношения безопасности, гарантировать себя от их нарушения, между людьми, народами, государствами устанавливаются нормы и принципы безопасных взаимоотношений, заключаются договоры о мире, ненападении, коллективной безопасности.

Отношения безопасности могут иметь и субъект-объектный характер, т.е. выражать требования людей к безопасности различных объектов собственности, военного, государственного и иного назначения. Следует иметь в виду, что людям свойственно превозносить собственную безопасность, добиваться ее достижения за счет безопасности других людей и даже народов.

В условиях нарастающей глобализации, взаимозависимости государств и народов, наличия значительных арсеналов оружия массового поражения безопасность в системе социальных отношений становит-

ся неделимой. Все актуальнее становится принцип равенства безопасности в отношении всех членов общества и мирового сообщества. В силу этого люди призваны сдерживать свои инстинкты, ограничивать эгоистические и враждебные устремления, поддерживать правила мирного общежития [8, с. 8].

Безопасность как результат и процесс. Мы по привычке ассоциируем безопасность с защищенностью жизненно важных интересов личности, общества и государства или с результатом безопасности. Как он ни важен, все же следует помнить, что он является лишь венцом сложного процесса обеспечения безопасности, как непрерывно реализуемая задача, связанная с поддержанием оптимальных параметров жизнедеятельности объекта, предвосхищением и противодействием различным угрозам. В рамках процессуального подхода к безопасности выделяют меняющиеся условия, алгоритмы и стадии (этапы) реализации мер безопасности [8, с. 7]. Самое же важное, что следует твердо усвоить, это то, что безопасность – непрерывно реализуемая задача. Всегда, в любых условиях и обстоятельствах [5, с. 93].

Безопасность как социальная функция. Применительно к государству и его определенным органам безопасность проявляется в виде соответствующей функции или полномочий, прав и обязанностей осуществлять специальные действия и меры по защите членов общества, их собственности, природных и со-

циальных объектов от различных опасностей.

В современных условиях «основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей» [3, с. 50].

Безопасность как система. Деятельность по обеспечению безопасности, противодействию угрозам в отношении многих социальных объектов предполагает создание сложной системной организации. В этой связи в рамках данного подхода понятие «безопасность» может рассматриваться как системно-организованная деятельность по предотвращению, устранению и ликвидации внешних и внутренних угроз по отношению к тем или иным социальным объектам [8, с. 6].

Применительно к нашему обществу, систему безопасности образуют органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности. В этом смысле примером может послужить *Закон Республики Молдова о государственной безопасности* [9], который предусматривает (ст. 13 ч. (1)) систему органов государственной безопасности, в которую входят: Служба информации и безопасности Республики Мол-

дова, Служба государственной охраны, Пограничная полиция, подведомственная Министерству внутренних дел, Таможенная служба, также учебные заведения и другие невоенизированные учреждения и организации органов государственной безопасности.

Системы безопасности создаются и в рамках отдельных организаций, предприятий, фирм. Система безопасности фирмы представляет собой, «организованную совокупность специальных структур, средств, методов и мероприятий, обеспечивающих безопасность предпринимательской деятельности от внутренних и внешних угроз» [4, с. 19-20; 1, с. 237].

Безопасность как наука и искусство. Существование устойчивого интереса к вопросам безопасности в обществе, усложнение проблем обеспечения безопасности различных социальных объектов обусловили становление и развитие специальной отрасли научных знаний, посвященной как безопасности в целом, так и различным ее видовым проявлениям. Соответственно, существует общая теория безопасности и взаимосвязанные с нею частные теории международной, национальной, государственной, военной, экономической, информационной, экологической и т.п. безопасности.

Выделение безопасности в самостоятельную и профессиональную деятельность по защите и охране различных объектов во многом сопряжено с необходимостью доведения ее до высо-

чайшего мастерства и применения в ней нестандартных решений, неординарных действий, творческих подходов, воплощаемых в искусстве обеспечения безопасности. Такое искусство по плечу не каждому человеку и даже специалисту. Оно требует одаренности и таланта, высокого уровня профессиональной подготовки [5, с. 94].

На основе вышеизложенного, исследователи подчеркивают особенную социальную роль безопасности. В общественной организации и человеческих отношениях безопасность имеет существенное значение. Ее роль определяется тем, что небезопасные условия не способствуют производительному труду и отвлекают от него людей, вынужденных расходовать свои силы, ресурсы и средства на борьбу с обращенными против них опасностями. Не случайно Ш.Монтескье (1689-1755) в своей фундаментальной работе «О духе законов» (1748 г.) заметил, что безопасность - первая форма свободы. Безопасность создает необходимые условия и предпосылки для созидательной деятельности людей, улучшения их благосостояния и увеличения общественного богатства. Конечно, расходы на безопасность составляют весомую долю в государственном бюджете, бюджетах корпораций и частных лиц, но они оправданны и необходимы [с. 30].

Таким образом, безопасность – сложное социальное явление, проявляющееся в общественной жизни в разных ипостасях: как потребность, интерес, ощу-

щение, цель и результат специализированной деятельности, ценность, социальная функция, отношение, процесс, система, отрасль науки, вид искусства. С нашей точки зрения, все эти ипостаси должны быть учтены в сложной деятельности государства при обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Литература:

1. Ващекин Н.П., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Безопасность предпринимательской деятельности. М., 2002.
2. Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. М.: Из-во РАГС, 2002.
3. Дзлиев М.И., Иззатдуст Э.С. Национальная безопасность и насилие (гуманитарные аспекты национальной безопасности). В: Вестник Омского университета. Серия «Право», 2011, № 3 (28).
4. Пучков С.И., Кузнецов С.А. Управление системой безопасности фирмы: практическое руководство к действию. М., 2001.
5. Родачин В.М. Безопасность как социальное явление. В: Зеркалов Д.В. Социальная безопасность и права человека. Монография. К.: Основа, 2013.
6. Родачин В.М. Безопасность как социальное явление. В: Право и безопасность, 2004, № 4 (13).
7. Сацута А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма. В: Вестник Военного университета, 2007, № 3 (11).
8. Чмыхало А. Ю. Социальная безопасность: Учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2007.
9. Закон о государственной безопасности, пр. 618 от 31.10.1995 13.02.1997. В: Monitorul Oficial Nr. 10-11 от 13.02.1997.

CERCETĂRI ȘTIINȚIFICE ÎN DOMENIUL FORMELOR RĂSPUNDERII JURIDICE

A. CERCHEZ,
avocat

SUMMARY

In this article we have tried to identify those studies designed to outline the relationship between liability and its various forms branch, given the great practical importance of these legal institutions. Legal liability has aroused great interest in all sciences branch, since the liability ends any legal issue, grantând optimization opdinii law Respecting and encouraging attitude of the law.

Identifying facets generated a real liability jurisdictions in legal literature lately in the context of ongoing reconfiguration of social reality and recent transformations in terms of legislation.

Keywords: legal liability, forms of legal liability, responsibility, liability, damages property, criminal liability

REZUMAT

În prezentul articol am încercat să identificăm acele studii menite să contureze legătura dintre răspunderea juridică și diferitele ei forme ramurale, având în vedere importanța practică deosebită a acestor instituții juridice. Răspunderea juridică a suscitat un real interes pentru toate științele de ramură, întrucât cu răspunderea juridică se finalizează orice problemă juridică, grantând optimizarea opdinii de drept și încurajând atitudinea de respectare a legii.

Identificarea fațetelor răspunderii juridice a generat un real interes în literatura juridică, în ultimul timp, în contextul reconfigurării continue a realității sociale și transformărilor recente, sub aspect legislativ.

Cuvinte cheie: răspundere juridică, forme ale răspunderii juridice, responsabilitate, răspundere civilă, răspundere materială, răspundere penală.

Introducere. În contextul evoluției societății și implicit a dreptului, cercetarea științifică dedicată unor instituții fundamentale de drept precum răspunderea juridică, în general și formele acesteia, în special este esențială și actuală grație plurivalenței acestor fenomene juridice.

Conceptul de răspundere juridică odată consacrat în circuitul științific și legislativ, aproximativ la mijlocul sec. XX-lea, a suscitat un interes perpetuu din partea cercetătorilor din întreaga lume, interes materializat în apariția unui număr impresionant de studii și lucrări, atât în cadrul teoriei generale a dreptului, dar și în cadrul științelor juridice de ramură, care tind la identificarea formelor, condițiile, conținutului și principiilor răspunderii juridice.

În prezenta lucrare am realizat un prim studiu amplu a unui aspect al răspunderii juridice, la fel de actual și complex ca și în-săși instituția răspunderii juridice, respectiv formele răspunderii juridice în dreptul intern, în vederea determinării conceptului de formă a răspunderii juridice și identificării locului formelor răspunderii juridice în sistemul de drept al răspunderii juridice.

Dreptul este un fenomen aflat în strânsă legătură cu viața socială, dispunând de finalități plurivalente la nivel macro și micro so-

cial, privind asigurarea coerenței, funcționalității și autoreglării sistemului social, în rezolvarea conflictelor relațiilor interumane, în ocrotirea și promovarea valorilor sociale, a drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, evoluția dreptului fiind indispensabil legată de evoluția omenirii. În dinamica realităților societății contemporane, dreptul, cel care exprimă exigențele structurilor sociale, în vederea realizării unui echilibru social, dar și instituțiile dreptului sunt provocate, în mod inevitabil, la schimbare prin adaptarea vechi-

lor instituții, concepte și principii la noile imperative ale societății.

Metode aplicate și materiale utilizate. Cercetarea materializată în prezentul studiu a fost realizată prin aplicarea metodei construcției abstracte, a interpretării logice a normelor de drept, etc. Materialul științific folosit în vederea realizării prezentului studiu provine din lucrări științifice, studii documentare, dar și din alte surse.

Rezultatele obținute și discuții. Răspunderea juridică, în general și formele acesteia, în special, reprezintă instituții esențiale ale dreptului, supuse unui continuu proces evolutiv, în contextul evoluției societății, în ansamblu, impunându-se astfel adaptarea răspunderii juridice dar și a formelor acesteia noilor exigențe decurgând din evoluția societății.

Opinăm în sensul că, în contextul evoluției continue a societății, formele răspunderii juridice sunt chemate să evolueze și să se redescopere odată cu societatea, studiul formelor răspunderii juridice fiind actual, important și provocator.

Problema formelor răspunderii

juridice este actuală atât în România, stat aflat în faza consolidării democratice, cât și în Republica Moldova, stat aflat în faza stabilizării democratice, după ce a demarat un șir de reforme cu caracter liberalizator, ca premise de bază pentru inițierea procesului de democratizare a societății.

Răspunderea juridică, dar și formele ramurale sub care se manifestă sunt într-o permanentă dezvoltare, atât din punct de vedere practic, dar și din punct de vedere teoretic.

Pentru a expune situația existentă în domeniul cercetărilor dedicate acestui subiect vom prezenta sursele bibliografice relevante din domeniul teoriei generale a dreptului, dar și din domeniile de ramură, fără a face abstracție de unele surse de origine filosofică. Sursele bibliografice relative la răspunderea juridică, în general și formele acesteia, în special, sunt numeroase, diverse și relevante. Alegerea surselor bibliografice a avut ca premisă exigența de a identifica acele studii menite să contureze legătura dintre răspunderea juridică și diferitele ei forme ramurale, în vederea identificării conceptelor de răspundere juridică și forme ale răspunderii juridice, dar și a locului formelor răspunderii juridice în sistemul de drept al răspunderii juridice.

Relativ la răspunderea juridică, ca formă a răspunderii sociale, am identificat numeroase surse bibliografice, primele izvoare care au făcut trimitere la acest fenomen fiind de inspirație filosofică. Evidențierea tabloului actual în domeniul studiului fenomenului ce ne interesează, în prezentul lucrare, reclamă trecerea în revistă a filosofilor care au abordat, direct sau indirect, problema răspunderii juridice precum Platon, Aristotel, Toma de Aquino, Spinoza, Leibniz, Rousseau, Kant, Hegel, Marx, Socrate, Cicero, Machiavel-

li, Thomas Hobbes, John Lock, Charles Louis de Montesquieu, Jean-Jacques Rousseau etc. Acești iluștri filosofi, analizând dreptul, au reliefat impactul consecințelor nesocotirii reglementărilor legale.

Platon, autorul vestitelor *Dialoguri* și al *Legilor* dar și fondatorul teoriei prevenției generale și particulare, a instituit principiul conform căruia nimeni nu trebuie să rămână nepedepsit pentru încălcarea legii, indiferent de natura consecințelor faptei sale. Celebrul filosof antic profilează ideea prevenției particulare, prin afirmarea convingerii că cel care greșește trebuie să fie pedepsit tocmai „pentru a împiedica răul nedreptății să devină cronic și să facă sufletul perfid și de nevindecat”. Platon conturează și ideea prevenției generale, statuând în sensul că „porice persoană pedepsită pe drept trebuie să se îndrepte și să profite de pe urma pedepsei sau să servească de exemplu pentru ceilalți, în așa fel încât aceia, văzând ce-a pățit ea, să se teamă și să se îndrepte”. Același gânditor, aprofundând, în *Legile* această teorie, prin excluderea răzbnării în aplicarea pedepsei, a conturat și funcțiile răspunderii juridice: preventivă, reparatorie și educativă, afirmând că „nu pentru a plăti greșeala făcută –pentru că cea ce a fost făcut nu mai poate să fie refăcut- ci pentru ca în viitor vinovatul și cei care îl văd pedepsit să urască sincer nedreptatea și să se elibereze pe cât posibil de această slăbiciune”.

Aristotel, cel mai original discipol al lui Platon, fără a dezvolta o teorie a prevenției particulare și generale, oferă o abordare diferită a răspunderii juridice, pedepsele fiind „uneori remediu” în opinia acestui mare gânditor antic. În viziunea lui Aristotel, pedepsele au, în primul rând, un rol educativ fiind menite să determine, prin presiunea de natură psihologică exer-

citată, conduita corectă. Același filosof accentuează importanța despăgubirilor în toate cazurile în care „crima are sensul de pagubă, care trebuie și poate să fie răscumărată după principiile dreptății corective. Pedepsa o sancțiune suplimentară, despăgubirea primează”.

Filosofi și jurisconșulți străluciți precum Montesquieu, Beccaria, Hobbes și Grotius, Fichte și Blackstone, au consacrat principiul legalității incriminării, afirmând că dreptul de a sancționa sau dreptul la apărare a fost cedat de către beneficiarii acestuia puterii sociale, dreptul de a sancționa legile fiind un real pact social.

Grotius, identifică, în opera sa, principiile răspunderii, menite să guverneze dreptul, în ansamblul său: 1) *alieni abstinentia* (respectarea a tot ce apar ține altuia); 2) *promissorum implemendorum obligatio* (respectarea angajamentelor asumate); 3) *damni culpa dati reparatio* (repararea daunelor pricinuite altora); 4) *poene inter homines meritum* (pedepsă echitabilă celor care încalcă aceste principii). Principiile care se impun a fi respectate în aplicarea răspunderii juridice, preluate de către doctrina penală modernă au fost reliefate și de către întemeietorul doctrinei clasice a dreptului penal, Beccaria.

Kant a reliefat importanța principiului proporționalității dintre infracțiune și pedepsă, statuând sistemul justiției absolute în *Principiile metafizice ale dreptului*, în virtutea căruia legitimitatea pedepsei rezidă din dreptatea ei, iar scopul pedepsei constă în instaurarea egalității prin pedepsirea vinovatului. Pentru Kant dreptul constă în coexistența libertăților, în respectul libertății altora.

Actualmente, în literatura de specialitate, răspunderea juridică, privită în ansamblu sau ca o categorie generală a dreptului a

fost rar abordată [3, p.419]. În schimb, numeroși autori au studiat răspunderea juridică, privită ca o categorie de ramură proprie dreptului civil [1, p.18], dreptului penal [6, p.133], dreptului administrativ, dreptului mediului, dreptului constituțional, dreptului internațional sau dreptului muncii [4, p.214]. Recent, în contextul evoluției relațiilor sociale, cercetările științifice au decelat noi forme ale răspunderii juridice.

Răspunderea juridică, în general și formele răspunderii juridice, în special, au constituit, de-a lungul timpului, subiect de studiu pentru diverși autori, abordările fiind deseori diferite, cotinuând sa se contureze noi opinii relative la aceste fenomene juridice, astfel încât tema abordată în prezentul studiu este în permanență actuală.

Cercetând fenomenul răspunderii juridice am identificat existența unei lacune generată de lipsa unor lucrări destinate studiului exclusiv al formelor răspunderii juridice și sintetizarea rezultatelor într-un studiu unic. Există și cercetători care tratează, într-o manieră dispersată, problemele abordate în studiul nostru, fără a analiza aceste fenomene juridice, în complexitatea lor.

Actualmente, sub aspect conceptual, în literatura de specialitate autohtonă, formele răspunderii juridice sunt desemnate atât prin sintagma clasică „formele răspunderii juridice”, dar și prin sintagma „specii ale răspunderii juridice” [5, p. 123] sau „felurile răspunderii juridice” și „manifestările răspunderii juridice” [7, p. 379-380]. În doctrina din Republica Moldova, Profesorul Avornic [2, p. 297] utilizează și locuțiunea de „modalități ale răspunderii juridice”, pentru a desemna formele răspunderii juridice.

Studiind problematica răspun-

derii juridice și a formelor acesteia, am constatat că, actualmente, există o insuficientă abordare a formelor răspunderii juridice. Fenomenele juridice relative la problematica prezentată, lipsite de o interpretare omogenă în doctrină, reclamă un studiu aprofundat, orientat spre identificarea esenței juridice a răspunderii juridice și a formelor ei de manifestare, configurarea unui tablou polivalent al relizării acestora și armonizarea lor la exigențele actuale, conformarea normelor materiale și procesuale, contribuind astfel la îmbunătățirea procesului de reglementare juridică a fenomenului studiat.

Evident, nu contestăm și nu abstractizăm numeroasele articole științifice, studii sau lucrări care tratează formele concrete ale răspunderii juridice. Am constatat însă ca toate aceste articole științifice, studii sau lucrări care abordează formele răspunderii juridice prin nominalizarea sau interpretarea acestora nu se depășesc limitele comune consacrate de cei interesați acest fenomen juridic, motiv pentru care apreciem ca fiind utilă devansarea acestor bariere clasice și conturarea unui studiu amplu menit să reflecte dincolo de clasificarea formelor răspunderii juridice, structura, esența și funcțiile tuturor formelor răspunderii juridice.

Răspunderea juridică, în ansamblu, dar și formele ei de manifestare au fost studiate, de-a lungul timpului, de numeroși autori francezi precum H. Lalou, R. Savatier, Planiol, Comte, Fortis, Vinez, Carbonnier, Bergel, cotinuuând cu autorii germani precum, G. Haney, Wagner, R. von Ihering, G. Elineck, H. Kelsen, D. Frank, E. Stein, sau cu autorii italieni și ruși precum R. Panain, Al. Levi, S. N. Bratusi, L. G. Vostrikova, O. S. Joffe, V. V. Petrov,

M. L. Peatov, E. A. Suhanov, R. O. Halfina, K. Matveev, A. N. Trainin, D. M. Ghenkin, V. B. Malinin, dar și cu cei maghiari N. Laszlo etc

În scopul reflectării situației actuale în domeniu de cercetare a fenomenului, obiect al prezentului studiu, nu putem trece cu vederea filosofii care, direct sau indirect, au atins și problema răspunderii juridice, precum Platon, Aristotel, Toma de Aquino, Hobbes, Locke, Spinoza, Leibniz, Rousseau, Kant, Hegel, Marx, Socrate, Cicero, Machiavelli, Thomas Hobbes, John Lock, Charles Louis de Montesquieu, Jean- Jacques Rousseau etc.

Reprezentanți de seamă ai doctrinei juridice autohtone, precum M. Elinescu, M. Costin, N. Popa, I. Gliga, L. Barac, M. Luburici, S. Popescu, Gh. Boboș, N. Bădescu, au consacrat lucrări în care răspunderea juridică este privită ca o categorie generală a dreptului.

Răspunderea juridică este privită ca fiind o categorie a teoriei generale a dreptului și în doctrina rusă. Dintre autorii ruși, care au manifestat preocupări în ceea ce privește studiul răspunderii juridice, amintim: I. A. Ilyin, B. A. Kisteakov, N. M. Korkunova, M. M. Kovalevskyi, P. I. Novgorodtsev, E. N. Trubetskyi, G. F. Sheshenevichi, S. S. Alecseev, A. A. Anferov, B. T. Bazilev, N. V. Vitruk, D. N. Bahrah, G. A. Borisov, O. E. Leist, O. A. Krasavchikov, V. S. Nerseseants, V. N. Kudrea-tsev, M. S. Strogovich, M. H. Farukshin, R. L. Hachaturov, M. D. Shargorodskyi, O. S. Ioffe, M. D. Shindeapina etc.

În România, autorii care au abordat problema răspunderii juridice și implicit a formelor acesteia, amintim: V. Dongoroz, G. Antoniu, V. Pătulea, I. Oancea, N. Giurgiu, autori care au abordat răspunderea juridică penală; L. Pop, I. Adam,

L. Boilă, C. Stănescu, C. Bîrsan, T. Ionașcu, care s-au aplecat asupra studiului răspunderii civile; V.I. Câmpeanu, V.G. Tahon, A. Iorgovan autori care au tratat răspunderea materială, T. Drăgan, I. Deleanu, C. Ionescu, N. Pavel, autori care au studiat, răspunderea juridică de drept constituțional, N. Duțu, E. Lupan, L. Mocanu, D. Marinescu care au studiat răspunderea juridică din punct de vedere al dreptului mediului.

În doctrina Republicii Moldova, răspunderea juridică, în ansamblu, dar și formele ei de manifestare au fost studiate, de către renumiți autori precum: D. Baltag, E. Aramă, Gh. Avornic, B. Negru, G. Fiodorov, autori care au studiat răspunderea juridică din perspectiva teoriei generale a dreptului sau S. Băieș, A. Băieșu, I. Macari, A. Borodac, S. Botnaru, E. Cojocar, A. Șavga, V. Grosu, M. Grama, A. Bloșenco, I. Trofimov, V. Berliba, care au studiat răspunderea juridică, privită ca o categorie de ramură proprie dreptului civil sau Romandăș, care a tratat răspunderea juridică, privită ca o categorie de ramură proprie dreptului muncii. Recent, în Republica Moldova, răspunderea administrativ-patrimonială este abordată ca o formă distinctă a răspunderii administrative de către autorii M. Orlov și Șt. Belecciu. Răspunderea în dreptul constituțional este insuficient tratată în doctrina juridică din Republica Moldova, constituind obiect de studiu pentru renumiți autori precum Alexandru Arseni și Andrei Smochină.

Dacă pentru reprezentanții doctrinei din Republica Moldova, fenomenul răspunderii financiare este unul nou, în literatura juridică rusească, autorii I. Drugova, I. Cucerov, R. Haceuturov, A. Musatkina, M. Karaseva, recunosc caracterul autonom al răspunderii juri-

dice financiare. Alți reprezentanți ai doctrinei juridice rusești, precum M. Drakina, A. Alehin, A. Kurbatov, I. Staricova analizează răspunderea financiară ca modalitate a răspunderii administrative.

În contextul evoluției relațiilor sociale și conturării unor noi subramuri circumscrise obiectului dreptului financiar precum dreptul fiscal, bugetar, valutar, bancar-public, am identificat studii dedicate răspunderii fiscale, bugetare, valutare, bancare. Am identificat autori care analizează cu titlu de forme distincte ale răspunderii juridice: răspunderea fiscală (A. Goghin, I. Âriașvili, O. Staroverova) și răspunderea fiscal-procesuală (A. Goghin). Autorii S. Botîrev, A. Zimin, N. Povetkina, E. Șevcenco tratează răspunderea fiscală și cea bugetară ca forme distincte ale răspunderii administrative.

Răspunderea juridică, în general și formele răspunderii juridice, în special, au constituit, de-a lungul timpului, subiect de studiu pentru diverși autori, abordările fiind deseori diferite, continuând să se contureze noi opinii relative la aceste fenomene juridice, astfel încât aceste fenomene juridice sunt în permanență actuale.

Concluzii. Cercetând problematica abordată în prezentul studiu, am constatat că răspunderea juridică a fost, o perioadă lungă de timp, circumscrisă doar răspunderii civile, penale, administrative, disciplinare sau materiale.

Recent, în contextul evoluției relațiilor sociale, cercetările științifice au decelat noi forme ale răspunderii juridice: răspunderea juridică constituțională, răspunderea juridică în dreptul internațional, răspunderea juridică în dreptul internațional al mediului, răspunderea financiară, răspunderea familială, răspunderea patrimonială, etc.

Identificarea fațetelor răspunderii juridice a generat un real interes în literatura juridică, în ultimul timp, în contextul reconfigurării continue a realității sociale și transformărilor recente, sub aspect legislativ.

Opinăm în sensul că identificarea formelor răspunderii juridice, în contextul transformărilor progresive ale realității sociale, constituie o garanție a legalității angajării răspunderii juridice, în oricare din formele acesteia, contribuind totodată la eliminarea erorilor în aplicarea normelor juridice specifice formelor răspunderii juridice.

Aprecim ca fiind esențială configurarea unui tablou polivalent al formelor răspunderii juridice și armonizarea lor la exigențele actuale și totodată conformarea la normele materiale și procesuale, contribuind astfel la îmbunătățirea procesului de reglementare juridică a acestor fenomene juridice.

Referințe bibliografice

1. Adam Ioan, *Drept civil. Obligațiile. Faptul juridic*. București: Ed. C.H.Beck, 2013.
2. Avornic Gheorghe, *Tratat de teoria generală a statului și dreptului*. Chișinău, 2010.
3. Baltag D. *Teoria generală a dreptului*. Chișinău, 2013.
4. Câmpeanu V.I. *Dreptul muncii*. București, 1967.
5. Gheorghe C. Mihai, Radu I. Motica. *Fundamentele dreptului. Opțiunea justiția*. București: Ed. All Beck, 1999.
6. Oancea I. *Noțiunea răspunderii penale*. A.U.B. nr. 6/1956.
7. Pop L, Popa F.I., Vidu S.T. *Tratat elementar de drept civil. Obligațiile*. București: Ed. Universul Juridic, 2012.

СВОБОДА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ СТОРОН ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Н. ГАЧАЕВА,
магистр права, докторант Государственного университета Молдовы

SUMMARY

The submission set out the legal regulation of freedom of expression of the individual contract of the parties conclusion of the individual labor contract.

Keywords: conclusion, individual employment contract, worker, employer, freedom of the parties.

* **

В представленном материале изложено правовое регулирование свободы волеизъявления сторон индивидуального трудового договора при его заключении.

Ключевые слова: заключение, индивидуальный трудовой договор, работник, работодатель, свобода сторон.

Цель исследования данного материала заключается в комплексном изучении особенностей свободы волеизъявления сторон индивидуального трудового договора при заключении индивидуального трудового договора.

Актуальность данной темы подтверждается сравнительным порядком исследования, а также важными предложениями по совершенствованию, изменению и дополнению действующего законодательства, касающегося свободы волеизъявления сторон при заключении индивидуального трудового договора (далее – ИТД).

Легальное определение понятия «индивидуальный трудовой договор» дано в ст. 45 Трудового кодекса Республики Молдова (далее - ТК РМ) № 154-XV от 28.03.2003 года. [1]

Согласно ст. 45 ТК РМ, индивидуальный трудовой договор – соглашение между работником и работодателем, на основании которого работник обязуется выполнять работу, соответствующую определенной специальности, квалификации или должности, на которую он назначен, с соблюдением правил внутреннего распорядка предприятия, а работодатель обязуется обеспечить работнику условия труда, предусмотренные настоящим кодексом, иными нормативными актами,

содержащими нормы трудового права, коллективным трудовым договором, а также своевременно и в полном размере выплачивать ему заработную плату.

Следует учитывать, что ИТД существенно отличается от гражданских правовых договоров, которые заключаются при применении наемного труда, таких как договор подряда, оказания услуг и т.п. [2, стр. 27-28]

Согласно части (1) ст. 946 Гражданского кодекса Республики Молдова (далее - ГК РМ) № 1107-XV от 06.06.2002 года по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется за свой риск выполнить определенную работу для другой стороны (заказчика), а заказчик обязуется принять работу и уплатить обусловленную цену. [3]

ИТД отличается от договора подряда по следующим признакам.

1. В качестве подрядчика и в качестве заказчика может выступать или физическое или юридическое лицо.

Согласно ст. 17 ГК РМ физическим лицом является человек,

рассматриваемый индивидуально как носитель гражданских прав и обязанностей.

Сторонами индивидуального трудового договора являются работник и работодатель.

Легальное определение этих понятий дано в ст. 1 ТК РМ.

Статья 1 ТК РМ определяет работодателя как юридическое лицо (предприятие) или физическое лицо, нанимающее работника на основании индивидуального ИТД, заключенного в соответствии с положениями ТК РМ.

Работодателем чаще всего является юридическое лицо.

Легальное определение понятия «юридическое лицо» содержится в части (1) ст. 55 ГК РМ, согласно которой юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в судебной инстанции.

Статья 1 ТК РМ определяет работника как физическое лицо (мужчина или женщина), выполняющее работу, соответствующую определенной специальности, квалификации или должности, и получающее заработную

плату на основании ИТД.

Подрядчиком может быть как физическое, так и юридическое лицо.

Работником может быть только физическое лицо, которое соответствует требованиям ст. 46 ТК РМ.

2. Подрядчик имеет право поручить выполнение работы, обусловленной договором подряда, любому физическому или юридическому лицу и будет нести ответственность перед заказчиком за надлежащее выполнение этой работы. Работник обязан выполнить предусмотренную ИТД работу по определенной специальности, квалификации или должности только лично и не имеет права поручать выполнение этой работы другому лицу или лицам.

3. Подрядчик самостоятельно определяет время и порядок выполнения предусмотренной договором подряда работы. Работник в отличие от подрядчика обязан выполнять предусмотренную ИТД работу с соблюдением правил внутреннего распорядка предприятия.

Согласно ст. 931 ГК РМ, подрядчик или исполнитель свободен в выборе способа выполнения работ или оказания услуг. Между подрядчиком или исполнителем и заказчиком не существует отношений подчиненности.

4. Предмет договора подряда существенно отличается от предмета ИТД.

Предметом договора подряда является надлежащим образом выполненная работа.

Согласно части (1) ст. 948 ГК РМ, подрядчик должен передать заказчику работу свободной от любых материальных недостатков и недостатков правового характера.

Согласно части (2) ст. 948 ГК РМ работа не имеет материальных недостатков, если она обладает обусловленными свойствами. В случае, когда не существу-

ет договоренности относительно свойств, работа считается не имеющей материальных недостатков, если она соответствует предусмотренному договором использованию, а при невозможности предположить такое использование – обычному использованию.

Вознаграждение подрядчику выплачивается в полном объеме только при условии её надлежащего качества.

Согласно части (2) ст. 966 ГК РМ заказчик вправе удержать из вознаграждения сумму, достаточную для покрытия заявленных при приемке оговорок по недостаткам работы, до того, как в отношении работы будут произведены необходимые ремонт или исправления.

Предметом ИТД, как правило, является не результат работы, а процесс выполнения работы по определенной ИТД специальности, квалификации или должности.

Конечно, при сдельной системе оплаты труда размер вознаграждения за труд, т.е. заработной платы зависит от результатов труда. Однако согласно части (1) ст. 162 ТК РМ брак не по вине работника оплачивается ему наравне с годными изделиями.

Брак по вине подрядчика оплате не подлежит.

Подрядчик не имеет права на оплату простоя, тогда как работник имеет такое право.

Согласно части (1) ст. 163 ТК РМ, оплата времени простоя не по вине работника или по причинам, не зависящим от работодателя или работника, за исключением периода технического простоя (статья 80), в случае, если работник письменно известил работодателя о начале простоя, производится в размере не менее двух третей часовой основной заработной платы, установленной работнику, но не менее одной минимальной часовой ставки,

установленной действующим законодательством, за каждый час простоя.

5. Заказчик может выбрать любого подрядчика.

Выбор работодателем работника ограничен требованиями пункта а) ст. 5, ст. ст. 7, 8, 46, 47, 247, 248, 255 ТК РМ, законом РМ «Об обеспечении равенства» № 121 от 25.05.2012 года [4] и др. законами.

Законодательство РМ дает довольно широкую свободу лицам, желающим заключить ИТД.

Согласно части (1) ст. 43 Конституции РМ, каждый человек имеет право на труд, свободный выбор работы, справедливые и удовлетворительные условия труда, а также право на защиту от безработицы.

Этот конституционный принцип конкретизирует пункт а) ст. 5 ТК РМ, согласно которому одним из принципов регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ним отношений является свобода труда, включающая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который соглашается без принуждения, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род занятий.

Право на труд только провозглашается, но не гарантируется, о чём свидетельствует безработица и массовая трудовая миграция.

Право на свободу труда заключается в праве физического лица, достигшего определенного возраста, на заключение ИТД с любым работодателем. Этому праву соответствует обязанность работодателя заключить ИТД в письменной форме в 2 экземплярах.

Право работника на заключение индивидуального трудового договора реализуется с учетом принципа равенства, установленного частью (2) ст. 16 Конституции РМ, согласно которой все

граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения.

Право на свободу заключения индивидуального трудового договора дополняется запрещением принудительного труда.

Принудительный (обязательный) труд запрещен ст. 7 ТК РМ и Конвенцией об упразднении принудительного труда от 25.06.1957 года, к которой Республика Молдова присоединилась постановлением Парламента РМ № 707-XII от 10.09.1991 года. [5]

Легальное определение понятия «принудительный (обязательный) труд дано в частях (2) и (3) ст. 7 ТК РМ.

Согласно части (2) ст. 7 ТК РМ принудительный (обязательный) труд означает любой труд или любую службу, к которым лицо принуждается либо на которые оно не давало своего согласия.

Согласно части (3) ст. 7 ТК РМ запрещается использование принудительного (обязательного) труда в любой форме, а именно:

а) в качестве меры политического или воспитательного воздействия либо меры наказания за поддержку или выражение политических взглядов или убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе;

б) в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития;

с) в качестве средства обеспечения трудовой дисциплины;

д) в качестве меры наказания за участие в забастовке;

е) в качестве меры дискриминации по признаку расы, национальности, вероисповедания или социального положения.

Согласно части (4) ст. 7 ТК РМ

к принудительному (обязательному) труду относятся:

а) нарушение установленных сроков выплаты заработной платы или выплата ее не в полном размере;

б) требование работодателя исполнения работником трудовых обязанностей при отсутствии систем коллективной или индивидуальной защиты либо в случае, когда выполнение требуемой работы может угрожать жизни или здоровью работника.

Согласно части (5) ст. 7 ТК РМ не считаются принудительным (обязательным) трудом:

а) военная служба или заменяющая ее деятельность лиц, которые согласно закону не проходят обязательную военную службу;

б) труд осужденного лица в период лишения свободы или в случае условно-досрочного освобождения от наказания, осуществляемый в нормальных условиях;

с) труд в условиях стихийных бедствий или иной опасности, а также труд, являющийся частью обычных гражданских обязанностей, установленных законом.

При реализации права на свободу заключения индивидуального трудового договора работодатель обязан соблюдать принцип равенства всех работников, установленный ст. 8 ТК РМ и законом РМ «Об обеспечении равенства» № 121 от 25.05.2012 года.

Согласно части (1) ст. 8 ТК РМ, в рамках трудовых отношений действует принцип равноправия всех работников. Запрещается любая прямая или косвенная дискриминация работника по признаку пола, возраста, расы, цвета кожи, национальности, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения, места жительства, наличия физических, умственных или психических отклонений, ВИЧ/СПИД-инфицирования, членства в профсоюзе или участия в про-

фсоюзной деятельности, а также по иным критериям, не связанным с профессиональными качествами работника.

Согласно части (2) ст. 8 ТК РМ, не является дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений или отдельных прав для работников, обусловленных требованиями, специфическими для данного вида труда или предусмотренными действующим законодательством, либо особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите.

Работодатель при заключении ИТД должен не допускать дискриминации и учитывать установленные законами предпочтения для отдельных категорий физических лиц (лиц с ограниченными возможностями, женщин, несовершеннолетних).

Запрет дискриминации при найме на работу установлен и ст. 7 закона РМ «Об обеспечении равенства».

Части (1) и (2) ст. 7 этого закона гласят: «Запрещается любое различие, исключение, ограничение или предпочтение по установленным настоящим законом признакам, следствием которых являются ограничение или подрыв равных возможностей или отношения при найме на работу или увольнении, в непосредственной трудовой деятельности и профессиональной подготовке. Запрет дискриминации на основе сексуальной ориентации применяется в сфере занятости и трудоустройства.

Являются дискриминационными следующие действия работодателя:

а) размещение объявлений о найме на работу с указанием условий и критериев, препятствующих или благоприятствующих определенным лицам;

б) необоснованный отказ лицу в найме на работу;

с) необоснованный отказ в допуске лиц к курсам повышения профессиональной квалификации;

д) неравная оплата за работу одного вида и/или объема;

е) дифференцированное и необоснованное распределение трудовых заданий, вытекающее из предоставления лицам менее благоприятного статуса;

ф) домогательство;

г) любые иные действия, противоречащие законным положениям».

Дискриминационные действия влекут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

Согласно части (1) ст. 18 закона РМ «Об обеспечении равенства» любое лицо, полагающее себя жертвой дискриминации, имеет право предъявить иск в судебную инстанцию с требованием:

а) установления факта нарушения его прав;

б) запрета продолжения нарушения прав;

с) восстановления положения, существовавшего до нарушения его прав;

д) возмещения причиненного материального и морального вреда и возмещения судебных издержек;

е) признания недействительности акта, приведшего к его дискриминации.

Свобода волеизъявления работодателя при заключении индивидуального трудового договора ограничена положениями части (4) ст. 46, ст. ст. 187, 248, 255, частью (1) ст. 388 ТК РМ, ст. 11 закона РМ «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций» № 1545-ХІІІ от 25.02.1998 года [6], постановления Правительства РМ № 624 от 06.10.1993 года и № 541

от 07.07.2014 года «Об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными и/или опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до 18 лет, и предельных норм подъема и перемещения тяжестей вручную, допустимых для лиц в возрасте до 18 лет» [7].

Работодатель не имеет права заключать индивидуальные трудовые договоры со следующими физическими лицами:

1. лицами, не достигшими возраста пятнадцати лет,

2. лицами, лишенными судебной инстанцией права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, – на соответствующие должности или для занятия соответствующей деятельностью (часть (4) ст. 46 ТК РМ),

3. женщинами при приеме на работы, на которых запрещено применение труда женщин,

4. лицами, не достигшими возраста 18 лет, при приеме на работы, на которых запрещено применение труда лиц, не достигших возраста 18 лет.

Согласно части (1) ст. 248 ТК РМ запрещается применение труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением работ по санитарному и бытовому обслуживанию и работ, не требующих физического труда.

Согласно части (3) ст. 248 ТК РМ перечень тяжелых работ, работ с вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин, а также предельные нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении вручную тяжестей утверждаются Правительством после консультаций с патронатами и профессиональными союзами.

Правительство РМ постановлением № 624 от 06.10.1993 года утвердило Список производств,

профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин.

Согласно части (1) ст. 255 ТК РМ запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на тяжелых работах и работах с вредными и/или опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственности (азартные игры, работа в ночных заведениях, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и токсическими препаратами). Не допускается подъем и перемещение вручную указанными лицами тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы.

Согласно части (2) ст. 255 ТК РМ, перечень тяжелых работ и работ с вредными и/или опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет, а также предельные нормы подъема и перемещения тяжестей для данной категории лиц утверждаются Правительством после консультаций с патронатами и профессиональными союзами.

Во исполнение части (2) ст. 255 ТК РМ было издано Постановление Правительства № 541 от 07.07.2014 года об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными и/или опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет, и Предельных норм подъема и перемещения тяжестей вручную, допустимых для лиц в возрасте до восемнадцати лет.

Следует учитывать, что работодатель обязан заключать ИТД с определенными категориями своих бывших работников.

В соответствии со ст. 14 зако-

на РМ «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций» № 1545-ХІІІ от 25.02.1998 года работодатель обязан предоставить лицу, освобожденному от работы (должности) в связи с незаконным осуждением либо отстраненному от работы (должности) в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, прежнюю работу (должность), а при невозможности это сделать в связи с ликвидацией предприятия, учреждения, организации, сокращением численности или штата работников предоставить другую равноценную работу (должность).

Прежняя работа (должность) должна быть предоставлена не позднее месячного срока со дня обращения реабилитированного работника, если он обратился с требованием о предоставлении прежней работы не позднее трех месяцев с момента получения им уведомления о вступлении в законную силу оправдательного приговора или вынесения постановления о прекращении уголовного дела.

Согласно части (1) ст. 388 ТК РМ, работникам, действие ИТД которых приостановлено в связи с избранием их на выборные должности в профсоюзные органы, по истечении срока их полномочий предоставляется прежнее место работы, а в его отсутствие – равноценное место работы (должность) на том же либо, с согласия работника, на другом предприятии. Однако ст. 388 ТК РМ не устанавливает срок, в течение которого работодатель обязан предоставить работнику прежнее место работы.

По нашему мнению, следует установить одномесячный срок после истечения срока полномочий по выборной должности, в

течение которого работник должен обратиться к работодателю за предоставлением прежнего места работы или равноценного места работы. Отсутствие этого срока порождает правовую неопределенность, ибо работодатель не знает, когда бывший работник потребует предоставления прежнего места работы.

Работник, которому необоснованно отказали в заключении ИТД, вправе обратиться в суд первой инстанции по месту нахождения работодателя с иском о понуждении к заключению индивидуального трудового договора и взыскании ущерба, причиненного необоснованным отказом в приеме на работу.

Исковое заявление должно соответствовать требованиям ст. ст. 166 и 167 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (далее - ГПК РМ).

Согласно части (2) ст. 166 ГПК РМ, исковое заявление должно содержать:

а) наименование судебной инстанции, в которую подается заявление;

б) имя или наименование истца, его место жительства или место нахождения, а если истцом является юридическое лицо - его банковские реквизиты, фискальный код; имя представителя и его адрес, если заявление подается представителем;

б¹) номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие контактные данные истца;

с) имя или наименование ответчика, его место жительства или место нахождения;

с¹) номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие контактные данные ответчика, если истец располагает такой информацией;

с²) фамилию, имя, адрес, номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие кон-

тактные данные представителя истца;

д) в чем заключается нарушение или угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требование;

е) фактические и правовые обстоятельства, на которых истец основывает свое требование, и доказательства, которыми располагает истец на момент подачи заявления;

ф) требование истца к ответчику;

г) цену иска, если иск подлежит оценке;

h) сведения о соблюдении досудебного порядка разрешения спора, если таковой установлен законом для такого рода споров или предусмотрен договором сторон;

і) перечень прилагаемых к заявлению документов.

Согласно части (1) ст. 167 ГПК РМ, к исковому заявлению прилагаются:

а) копии исковых заявлений и письменных доказательств, удостоверяющие в установленном порядке, по числу ответчиков и третьих лиц, участвующих в деле, если они у них отсутствуют, и ряд копий для судебной инстанции. Если письменные доказательства составлены на иностранном языке, судебная инстанция может распорядиться о представлении их в переводе в установленном законом порядке;

б) документы, подтверждающие уплату государственной пошлины;

с) документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свое требование, копии этих документов для ответчиков и третьих лиц, если они у них отсутствуют;

д) документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка разрешения спора, если таковой установлен законом или предусмотрен договором сторон;

е) документ, удостоверяющий полномочия представителя.

Согласно части (1) ст. 85 ГПК РМ и ст. 353 ГПК РМ, истцы по таким искам освобождаются от уплаты государственной пошлины и других судебных расходов.

Если проявлена дискриминация, можно предъявить иск в соответствии с законом РМ «Об обеспечении равенства».

Исковое заявление подается в письменной форме, печатать его необязательно.

Отдельные судьи выносят определения об оставлении исковых заявлений без движения, ссылаясь, что истцы должны переводить с русского языка на государственный язык исковые заявления и приложенные к ним доказательства, написанные на русском языке.

Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства решением от 02.12.2013 года признал такие требования судей незаконными и дискриминационными. Аналогичные решения были вынесены и в марте - июле 2014 года.

Литература:

1. Официальный монитор РМ № 159-162 от 29.07.2003 года
2. Слуту Н., Гацаева Н., Свобода волеизъявления сторон при заключении, изменении, приостановлении и прекращении индивидуального трудового договора, Кишинев, журнал «Закон и жизнь», № 7, 2014 г., стр. 27-32
3. Официальный монитор РМ № 82-86 от 22.06.2002 года
4. Официальный монитор РМ № 103 от 29 мая 2012 года
5. Сосна Б.И., Горелко Н.А., «Трудовое право Республики Молдова. Научно-практическое пособие (с комментариями отдельных норм КЗоТа РМ)», Кишинев, 2001, стр. 15-28
6. Официальный монитор РМ № 50-51 от 25.02.1998 г.
7. Официальный монитор РМ № 178-184 от 11.07.2014 года

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ УКРАИНЫ

С. ПИЕВ.

соискатель Харьковского национального университета
внутренних дел

SUMMARY

The features of the pre-trial investigation in respect of a juvenile suspect in accordance with the laws of Ukraine are determined in this article. The following main features of criminal proceedings are distinguished and characterized: 1) professional competence of people who engaged in production for the juvenile; 2) the subject of the proof in criminal proceedings against juveniles; 3) remedial order of the pre-trial investigation.

Keywords: Criminal Procedural Code of Ukraine, criminal proceedings, pre-trial investigation, a juvenile suspect, the subject of proof.

* * *

В данной статье определены особенности досудебного расследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого в соответствии с законодательством Украины. Выделены и охарактеризованы такие основные особенности уголовного производства: 1) профессиональная компетенция лиц, осуществляющих производство по делам в отношении несовершеннолетних; 2) предмет доказывания по уголовному производству в отношении несовершеннолетних; 3) процессуальный порядок проведения досудебного расследования.

Ключевые слова: УПК Украины, уголовное производство, досудебное расследование, несовершеннолетний подозреваемый, предмет доказывания.

Постановка проблемы. По результатам исследований, в соответствии с п. 1.4. Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила» принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985г.) правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя, таким образом, защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе.

Вопросы уголовного производства в отношении несовершеннолетних представляют особую значимость, поскольку, во-первых, во время его осуществления права и сво-

боды личности затрагиваются наиболее остро, а, во-вторых, от качества проведенного досудебного расследования во многом зависит достижение всех целей уголовного судопро-

изводства по данной категории дел. Деятельность должностных лиц по уголовному производству в отношении несовершеннолетних должна осуществляться таким образом, чтобы, с одной стороны, решать задачи предупреждения совершения подростками преступлений и содействовать их исправлению, а, с другой стороны, надежно обеспечивать права и законные интересы данной категории лиц. Особенности интеллектуального и физиологического развития несовершеннолетних, связанные с недостатком жизненного опыта и знаний, несформировавшейся системой ценностей, убеждений, взглядов и установок, а также их специфическое правовое положение в обществе диктуют необходимость специальной правовой регламентации обращения с ними на всех стадиях уголовного процесса.

Актуальность темы. Следует отметить, что проблема участия несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве была всегда актуальной, поэтому исследовалась в научной литературе неоднократно. Проблемы процессуального порядка досудебного расследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого исследовали такие ученые, как: М.М. Гернет, П.И. Люблинский, А.М. Рубашева, И.Я. Фойницкий. В советский период различными аспектам правового регулирования данной формы судопроизводства были посвящены фундаментальные труды Н.И. Гуковской, А.П. Гуськовой, А.И. Долговой, В.В. Леоновой, Е.Б. Мельниковой, Г.М. Миньковского, В.Я. Рыбальского, В.М. Савицкого, Г.П. Саркисянца, М.С. Строговица, В.В. Шимановского и других

процессуалистов. Вместе с тем, в современных условиях развития уголовного процессуального законодательства в связи с принятием в 2012 году УПК Украины вопросы уголовного производства в отношении несовершеннолетних еще не исследовались.

Целью данной статьи является определение особенностей досудебного расследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого в соответствии с законодательством Украины.

Изложение основного материала. Нормы Уголовного процессуального кодекса Украины (глава 38 «Уголовное производство в отношении несовершеннолетних» и положения, закрепленные в других статьях) основаны на общепризнанных международно-правовых стандартах и требованиях, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. С учетом анализа действующего законодательства, по нашему мнению, можно выделить такие основные особенности уголовного производства в отношении несовершеннолетнего подозреваемого.

1. Профессиональная компетенция лиц, осуществляющих производство по делам в отношении несовершеннолетних.

2. Предмет доказывания по уголовному производству в отношении несовершеннолетних.

3. Процессуальный порядок проведения досудебного расследования.

В ходе исследования указанного вопроса есть необходимость рассмотрения указанных особенностей проведения уголовного производства в отношении несовершеннолетних более детально. Во-первых, стоит от-

метить, что международно-правовые документы призывают обеспечить профессиональную компетенцию лиц, осуществляющих уголовное производство в отношении несовершеннолетних. Лица, в компетенции которых входит принятие решения в отношении указанной категории лиц, должны иметь, кроме основных знаний в области уголовного процесса, также минимальную подготовку в области педагогики, социологии, психологии, криминологии. Профессиональная квалификация следователя является необходимым элементом для обеспечения беспристрастного и эффективного правосудия в отношении несовершеннолетних. Указанные положения нашли отображение в ч. 2 ст. 484 действующего УПК Украины, где указано, что уголовное производство в отношении несовершеннолетнего лица, в том числе, если уголовное производство осуществляется в отношении нескольких лиц, хотя бы один из которых является несовершеннолетним, производится следователем, специально уполномоченным руководителем органа досудебного расследования на осуществление досудебных расследований в отношении несовершеннолетних. Следует отметить, что в данной норме закона указаны требования только к следователю. Вместе с этим, по нашему мнению, прокурор, следственный судья, судья, осуществляющие производство в отношении несовершеннолетнего, также должны иметь необходимые знания особенностей такого производства с тем, чтобы, как и следователь, осуществлять процессуальные действия в порядке, который наименее нарушает обычный

уклад жизни несовершеннолетнего и отвечает его возрастным и психологическим особенностям, принимать все возможные меры, направленные на избежание негативного воздействия в отношении данного лица. Вторым аспектом, который подлежит рассмотрению в данной статье, являются особенности предмета доказывания по уголовному производству в отношении несовершеннолетних.

Обстоятельства, подлежащие установлению в уголовном производстве по делам несовершеннолетних, представляют собой детализацию и дополнение положений, определяющих общий предмет доказывания, элементы которого закреплены в ст. 91 УПК Украины. Обращение к содержанию ст. 485 УПК Украины гласит, что в ней делается акцент на дополнительном и более глубоком изучении характеристики личности несовершеннолетнего, а также на выявление причин и условий, способствовавших совершению им уголовного преступления. В соответствии со ст. 485 УПК Украины в ходе досудебного расследования и судебного рассмотрения уголовных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, кроме обстоятельств, предусмотренных в ст. 91 УПК Украины, также выясняются: 1) полные и всесторонние сведения о личности несовершеннолетнего: его возраст (число, месяц, год рождения), состояние здоровья и уровень развития, другие социально-психологические черты личности, которые необходимо учитывать при индивидуализации ответственности или избрании меры воспитательного характера. При наличии данных об умственной отсталости несовер-

шеннолетнего, не связанных с психической болезнью, должно быть также выяснено, мог ли он полностью сознавать значение своих действий и в какой мере мог руководить ими; 2) отношение несовершеннолетнего к совершению им деянию; 3) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего; 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников уголовного правонарушения. Достижение определенного возраста – одно из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности.

Как указывает Р. Оримбаев, способность осознавать свои действия и руководить ими возникает у психически здоровых людей не с момента рождения, а по достижении определенного возраста, оптимальной величиной которого является шестнадцатилетний возраст. К этому возрасту у человека накапливается определенный жизненный опыт, определяющий критерии восприятия окружающего мира, появляется способность осознавать характер своего поведения с точки зрения полезности для окружающих [1, с. 23]. Стоит согласиться с А.Е. Якубовым, что в основе определения возраста, по достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, находится уровень сознания несовершеннолетнего, его способность осознавать происходящее и в соответствии с этим осмысленно действовать. Малолетние лица не могут быть субъектами преступления, так как в силу своего возраста не имеют возможности в достаточной мере отдавать себе отчет в своих действиях и руководить своими поступками [2, с. 9], что мы подерживаем.

Не менее важным является вопрос установления в ходе уголовного расследования условий жизни и воспитания несовершеннолетнего лица. Закон предусматривает необходимость всестороннего и тщательного выяснения условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого: а) в семье (или в специальном детском учреждении); б) в учебном заведении или по месту работы, если он учится, работает; в) вне дома, учебного заведения или работы. В уголовном производстве, где несовершеннолетний выступает в качестве подозреваемого, обязательно проверяется влияние на него старших по возрасту лиц, то есть совершеннолетних. При рассмотрении дел данной категории необходимо тщательно выяснить характер взаимоотношений между подростками, окружающих его взрослыми, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступлений.

Необходимо подчеркнуть, что самым опасным преступлением с криминологической точки зрения, осуществляемым взрослыми, является склонение несовершеннолетних к различным формам антиобщественного образа жизни. При этом доля взрослых женщин – подстрекателей не превышает 10 – 15%. В то же время для женщин характерно склонение несовершеннолетних к различного рода социально негативным поступкам, например, проституции, употреблению спиртных напитков и наркотиков, попрошайничеству. Подстрекателей и организаторов вовлечения несовершеннолетних в преступ-

ную деятельность в 50 – 60% случаев составляют лица в возрасте от 20 до 30 лет, большинство из них (80–85%) городские жители. Примечательно, что по результатам исследования склоняют несовершеннолетних к занятию проституцией чаще близкие родственники, а также подруги и друзья [3, с. 73]. Эти данные могут не только повлиять на определение оснований и меры уголовной ответственности самого несовершеннолетнего, но и иметь существенное значение для установления роли взрослого относительно вовлечения несовершеннолетнего для совершения преступления.

К особенностям уголовного производства в отношении несовершеннолетних также стоит отнести процессуальный порядок проведения досудебного расследования. Среди основных отличий такого порядка можно выделить: а) обязательное участие защитника; б) участие законного представителя несовершеннолетнего; в) применение специальных мер пресечения к несовершеннолетнему; г) применение мер воспитательного характера. Роль защитника в обеспечении прав лиц, привлеченных к уголовному процессу, очень велика. Ведь данный участник процесса уполномочен осуществлять защиту подозреваемого. Как указано в научной литературе, необходимость участия адвоката в защите подозреваемого можно обосновать еще и тем, что досудебное расследование направлено на установление состава преступления в действиях подозреваемого. Поэтому следователь, насколько бы объективным он не был при исследовании фактических данных, традиционно уделяет большое

значение фактам, подтверждающим вину подозреваемого, чем тем обстоятельствам, которые смягчают или оправдывают его. В таких случаях подозреваемый не только не может противостоять следователю в анализе доказательств и аргументации своей позиции, но и в результате различных обстоятельств не способен реально использовать свои права, и единственным средством защиты прав и законных интересов подозреваемого является помощь постороннего лица, имеющего специальные знания и навыки, то есть защитника [4, с. 104].

Следует согласиться с позицией Н.И. Капинуса, который считает, что основными видами деятельности защитника по обеспечению прав подозреваемого являются: 1) правовая помощь подозреваемому; 2) участие защитника в доказывании; 3) охрана прав и законных интересов подозреваемого [5, с. 195]. Важную роль в обеспечении прав подозреваемого играют законные представители. Как подчеркивают некоторые ученые, участие законного представителя следует рассматривать как дополнительную гарантию обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, который не может самостоятельно реализовать предоставленные им как участником уголовного производства процессуальные права, а потому и эффективно защитить свои законные интересы [6, с. 153–154]. В ч. 2 ст. 44 УПК Украины установлен перечень лиц, которые могут быть привлечены в качестве законных представителей подозреваемого. К ним относятся: родители (усыновители), а в случае их отсутствия – опекуны, попечители лица, другие совер-

шеннолетние близкие родственники или члены семьи, а также представители органов опеки и попечительства, учреждений и организаций, на попечении или опеке которых находится несовершеннолетний, как недееспособный, так и ограниченно дееспособный. Следует отметить, что действующий УПК Украины, по сравнению с предыдущим кодексом 1960 года, расширил перечень лиц, которые могут быть законными представителями лица. Ранее в процессуальной литературе изучался вопрос о пересмотре и расширении круга лиц, которые могут быть законным представителями [7, с. 184], [8, с. 75], [9, с. 87]. Поэтому следует поддержать законодателя в вопросе расширения определения указанных лиц.

В отличие от защитника, осуществляющего защиту в уголовном производстве, законный представитель – не юрист, он далеко не всегда осведомлен в тонкостях уголовного судопроизводства. Защитник с начала досудебного расследования, как правило, не знаком с подозреваемым, обвиняемым, теряет с ним связь по окончании производства, а иногда деятельность конкретного защитника ограничивается рамками одного процессуального действия. У законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, в отличие от защитника, есть особая значимость. Это объясняется тем, что данный участник это взрослый дееспособный человек, хорошо знает лицо, которое он представляет. Он привлекается защищать интересы лица не по долгу службы, как адвокат, а в силу морально-этических аспектов воспитания. Следова-

тельно, законные представители должны действовать в интересах несовершеннолетнего лица, защищая его права, свободы и законные интересы. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних имеет ряд специфических черт, проявляющихся в закреплении дополнительных гарантий, которые обеспечивают повышенную защиту данного субъекта уголовного процесса. Возрастная специфика несовершеннолетних учтена законодателем, поэтому определяет особенности осуществления уголовного производства и применения к нему мер пресечения. Как правильно отмечает Г.М. Миньковский, следует помнить о том, что одинаково опасно как шаблонное применение в отношении подростка той же меры пресечения, которая была бы в аналогичном случае применена к взрослому, так и отказ от применения действительно необходимой меры пресечения только по одному мотиву несовершеннолетия обвиняемого. В первом случае несовершеннолетнему и его родным может быть необоснованно причинена серьезная моральная травма, последствия которой негативно скажутся на его дальнейшем развитии. Во втором случае сохраняются благоприятные условия для воздействия на подростка тех же факторов, что привели его к совершению преступления, в результате чего создается реальная угроза повторного совершения преступления [10, с. 143]. По результатам исследования, проведенным Р.С. Холод, в большинстве случаев к несовершеннолетним применяются меры пресечения, не связанные с лишением свободы. Взятие под стражу применяется только в 32% случаев [11, с. 380]. Меры

пресечения, которые могут быть применены как к взрослому так и к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому определены в ст. 176 УПК Украины. Ими являются личное обязательство, личное поручительство, залог, домашний арест, содержание под стражей и задержание лица в качестве временной меры пресечения. В ст. 493 УПК Украины установлено две меры пресечения, которые могут быть применены только к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому: 1) передача под надзор родителей, опекунов или попечителей; 2) передача под надзор администрации детского учреждения. Как правильно подчеркивает А. Левандаренко, приоритетность данных мер пресечения определяется тем, что законодатель выделяет их в отдельной главе, посвященной уголовному производству в отношении несовершеннолетних, тем самым определяя органам, осуществляемым процесс, обратить на них особое внимание [12, с. 128]. Передача несовершеннолетнего подозреваемого состоит в отобрании от родителей, опекунов, попечителей или администрации детского учреждения письменного обязательства об обеспечении ими надлежащего поведения несовершеннолетнего и его явки к следователю, прокурору, следственному судье и в суд. Передача под надзор родителей или других лиц возможно только при их на это согласия и согласия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. При этом лицо, взявшее на себя обязательство о надзоре, имеет право отказаться от дальнейшего его исполнения, заранее об этом сообщив.

Следующей особенностью уголовного производства в от-

ношении несовершеннолетнего является возможность применения к нему принудительных мер воспитательного характера. Как указано в п. 1 Постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 15.05.2006 № 2 «О практике рассмотрения судами дел о применении принудительных мер воспитательного характера» целью применения таких мер должно быть обеспечение интересов несовершеннолетнего, которые заключаются в получении не только надлежащего воспитания, а и образования, лечения, социальной, психологической помощи, защиты от жестокого обращения, насилия и эксплуатации, а также в наличии возможности адаптироваться к реалиям общественной жизни, повысить общеобразовательный и культурный уровень, приобрести профессию и трудоустроиться [13].

Досудебное расследование может быть закончено составлением ходатайства о применении принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетнему, если собрано достаточно доказательств, которые указывают на то, что: несовершеннолетним впервые совершено уголовное правонарушение, преступление небольшой тяжести или неосторожное преступление средней тяжести, то несовершеннолетнего можно исправить без применения уголовного наказания; несовершеннолетнего можно исправить путем применения к нему принудительной меры воспитательного характера. До составления ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера прокурор должен выяснить, не возражают ли против составления ходатайства и пере-

дачи его в суд для применения этой меры несовершеннолетний подозреваемый и его законный представитель.

Выводы. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что особый порядок уголовного судопроизводства дел в отношении несовершеннолетних основывается на возрастных, социально-психологических и других особенностях данных лиц. Поэтому они соответственно требуют дополнительных гарантий для реализации своих прав. Особый порядок производства дел данной категории способствует более полному и глубокому исследованию всех обстоятельств события преступления, выявлению причин и условий его совершения, и обеспечению тех мер воздействия на несовершеннолетнего, которые бы были всегда соизмеримы с его личностью и обстоятельствами совершенного уголовного правонарушения. В тоже время эти вопросы подлежат отдельному исследованию или научному изучению.

Литература:

- Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 152 с.
- Якубов А.Е. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Московского университета (Серия 11 – Право) – 1988. – № 6. – С. 18–24.
- Мировський Р. Злочинне і віктимна поведінка неповнолітніх. Проблеми їх залучення в кримінальну діяльність // Закон і право. – 2004. – № 4. – С. 73 – 74.
- Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации : учеб. пособие. 2–е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. – 160 с.
- Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография / Н. И. Капинус. – М. : Издательский дом «Буковед», 2007. – 416 с.
- Кримінальний процесуальний кодекс України: науково-практичний коментар : у 2 т. Т. 1 / [О. М. Бандурка, Є. М. Блажівський, Є. П. Бурдоль та ін.] ; за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, А. В. Портнова. – Х. : Право, 2012. – 768 с.
- Карпенко М.О. Участь законного представителя у справах про злочини неповнолітніх // Проблеми законності: Респ. міжвід. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2003. – Вип. 58. – с. 183–190.
- Самолук В.В. Передумови та підстави законного представництва у кримінальному процесі // Часопис Київського університету права – 2004. – № 3. – С. 71– 80.
- Бевзюк Н.В. Правове положення законних представників вимагає удосконалення // Актуальні проблеми сучасної науки і правоохоронної діяльності: матеріали підсумкової конференції курсантів та студентів. – Х.: Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2007. – С. 86–87.
- Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних / Г. М. Миньковский. М. : Госюриздат, 1959. 207 с.
- Холод Р.С. Процесуальні проблеми розслідування злочинів, скоєних неповнолітніми / Р.С. Холод // Сучасні правові проблеми профілактики та розкриття злочинів, які скоюються неповнолітніми : матеріали міжвуз. наук.-практ. конф., 26 квіт. 2002 р. / Донец. ін-т внутр. справ при Донец. держ. ун-ті. – Донецьк : ДІВС, 2002. – С. 189–198.
- Левендаренко О. Передання неповнолітнього підозрюваного й обвинуваченого під наглядом системи запобіжних заходів / О. Левендаренко, І. Щербак // Підприємництво, господарство і право. – 2013. – № 1. – С. 126 – 130.
- Про практику розгляду судами справ про застосування примусових заходів виховного характеру : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 15.05.2006 № 2 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0002700-06>.

CARACTERIZAREA LATURII OBIECTIVE A INFRAȚIUNII DE VIOLENȚĂ ÎN FAMILIE

V. IONAȘCU,

lector superior universitar la Catedra „Științe Polițienești și Sociumane”
a Academiei „Ștefan cel Mare”, doctorand

SUMMARY

The presented article carries out the analysis of the object element for the crime of domestic violence, the object element being a key point in the examination of corpus delicti in criminal law.

Thus the objective element of the crime of domestic violence has the following structure:

- 1) A harmful act/acts which consists of an action or inaction which is manifested through physical or verbal related violence, this violence can be of a physical, sexual, psychological, economic and spiritual nature;
- 2) Harmful consequences such as physical suffering, slight body injury or health injury, mental suffering, material detriment, moral damage;
- 3) Causation between the injurious act and harmful consequences.

Keywords: domestic violence, objective element, the harmful consequences, causation

REZUMAT

În articol este efectuată analiza obiectului infracțiunii de violență în familie, care este unul dintre punctele-cheie în examinarea juridico-penală a componenței acestei infracțiuni.

Astfel, latura obiectivă a infracțiunii de violență în familie are următoarea structură:

- 1) fapta prejudiciabilă, care constă în acțiunea sau inacțiunea manifestată fizic sau verbal, legată de violența fizică, sexuală, psihologică, economică sau spirituală;
- 2) urmările prejudiciabile sub forma suferinței fizice, vătămării ușoare a integrității corporale sau a sănătății, suferinței psihice ori a prejudiciului material sau moral;
- 3) legătura de cauzalitate dintre fapta prejudiciabilă și urmările prejudiciabile.

Cuvinte-cheie: violența în familie, aspect obiectiv, faptă prejudiciabilă, urmări prejudiciabile, legătura de cauzalitate

Introducere. Latura obiectivă a conținutului constitutiv al infracțiunii, relatează autorul român A. Ungureanu, este constituită din totalitatea condițiilor privitoare la actul de conduită, cerute de lege pentru existența infracțiunii [1, p. 76].

Determinarea științifică corectă a semnelor laturii obiective favorizează calificarea justă a faptei săvârșite și, ca urmare, aplicarea unei pedepse corecte.

În teoria dreptului penal, latura obiectivă a infracțiunii se consideră cel mai *complicat* și *voluminos* studiu. Aceasta este partea exterioară a infracțiunii, a cărei cercetare ne permite nu numai să judecăm despre elementul dat al componenței, dar și să apreciem obiectul atentatului și să determinăm forma vinovăției [2, p. 7].

Prin latura obiectivă a infracțiunii sau, așa cum este denumit în literatura de specialitate română, *aspectul obiectiv* [1], se subînțelege activitatea persoanei care prin

urmările ei periculoase afectează sau pune în pericol anumite relații sociale apărute de normele dreptului penal. Prin urmare, această activitate desfășurată de făptuitor este o manifestare externă, adică o comunicare sau o frînare de energie fizică, ce produce o manifestare în lumea exterioară. Potrivit doctrinei, latura obiectivă mai este concepută și ca totalitatea condițiilor prevăzute de norma de incriminare privitoare la actul de conduită pentru existența infracțiunii.

Fapta prejudiciabilă este sem-

nul principal al laturii obiective a infracțiunii și constă în actul material săvârșit, actul de conduită uman interzis de legea penală. La concret, fără o activitate exterioară nu poate exista infracțiune. Numai o acțiune (inacțiune) poate atinge una dintre valorile arătate în alin. (1) al art. 2 din Codul penal (CP) al RM și produce urmări periculoase. Deci, orice infracțiune reprezintă o faptă, o activitate materială care se manifestă sub forma de acțiune sau inacțiune.

Activitatea infracțională ce constituie elementul material al laturii obiective a infracțiunii de violență în familie este desemnată de legiuitor prin expresia *violența în familie*, aceasta semnificând acțiunea sau inacțiunea intenționată, manifestată fizic sau verbal, comisă de un membru al familiei asupra unui alt membru al familiei.

Este necesar să menționăm faptul că norma de incriminare prevăzută la articolul 201¹ CP al RM este o normă de blanchetă, fapt ce necesită a utiliza conceptele și interpretările prevăzute în legea-cadru pentru acest domeniu, și anume *Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie* [3]. Astfel, în art. 2 din legea nominalizată este definit conceptul de *violență în familie*, constituind „orice acțiune sau inacțiune intenționată, cu excepția acțiunilor de autoapărare sau de apărare a unor alte persoane, manifestată fizic sau verbal, prin abuz fizic, sexual, psihologic, spiritual sau economic ori prin cauzare de prejudiciu material sau moral, comisă de un membru de familie contra unor alți membri de familie, inclusiv contra copiilor, precum și contra proprietății comune sau personale”.

Materiale și metode aplicate.

În procesul studiului dat au fost utilizate următoarele metode de cercetare științifică: analiza sistemică, analiza logică, analiza comparativă, sinteza și clasificarea. Materialele folosite sînt: legislația în domeniu a Republicii Moldova, doctrina juridică națională și un șir de manuale.

Rezultate obținute și discuții.

Pentru realizarea scopului propus pornim de la ideea precum că incriminarea prevăzută la articolul 201¹ CP al RM, pe lângă definiția dată de Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, prevede că latura obiectivă a violenței în familie poate fi manifestată atît prin acțiune, cît și prin inacțiune. Mai mult decît atît, ambele reglementări prevăd și două moduri prin care poate să se manifeste acțiunea – modul *fizic* sau modul *verbal*.

Prima forma de manifestare a acțiunii principale a laturii obiective este *violența fizică*. În acest context, teoria dreptului penal împarte în mod tradițional violența în două categorii: *fizică și psihică*. [4, p. 102]

În literatura juridică există păreri diferite cu privire la violența fizică. Este necesar de remarcat faptul că fiecare dintre ele definesc diferit violența fizică, însă totuși nu reflectă încă pe deplin diversitatea conceptului.

Unii autori [5, p. 83] definesc violența fizică drept „utilizarea unei forțe fizice împotriva victimei”. Astfel, se accentuează, pe bună dreptate, utilizarea anume a forței fizice, și nu a înșelăciunii sau a vicleniei. Cu toate acestea, în formularea dată este dificil să facem o delimitare între violența fizică și o forță fizică aplicată nonviolent, de exemplu cînd forța fizică este folosită pentru a respinge un atac, a reține un infractor sau cazul extremei necesități etc.

Alți autori [6, p. 83] definesc violența fizică ca orice influență asupra integrității fizice a corpului victimei. Această este o abordare exterioară a abuzului fizic conceput ca o influență asupra structurii biologice a corpului uman, ca urmare a aplicării violenței fizice. Cu toate acestea, ținem să remarcăm faptul că influența asupra integrității corporale poate fi incriminată penal, dar nu întotdeauna poartă caracter de violență fizică. De exemplu, nu va constitui violența fizică contaminarea victimei cu o boală venerică în urma unui raport sexual voluntar.

Mai mulți autorii [7, p. 84] includ *consecințele* ca semn obligatoriu a violenței fizice. Astfel, ei consideră că „violența fizică este impactul direct asupra organismului uman și se poate exprima în

forme diferite, variind de la simple leziuni pînă la vătămare gravă a integrității corporale sau deces”.

Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie definește violența fizică ca „vătămare intenționată a integrității corporale ori a sănătății prin lovire, înțepare, trîntire, tragere de păr, înțepare, tăiere, ardere, strangulare, mușcare, în orice formă și de orice intensitate, prin otrăvire, intoxicare, alte acțiuni cu efect similar”. [3, art. 2]. Observăm ca legiuitorul în această definiție a preluat abordarea exterioară a noțiunii de violență fizică, adică violența ca rezultat – vătămare intenționată a integrității corporale ori a sănătății, plus metodele de realizare a acestora.

Din această definiție putem deduce că în mare parte violența se poate reduce la aplicare de lovituri. Prin „aplicarea loviturilor” se înțelege acțiunea mecanică a unei energii cinetice exterioare de atingere, de compresiune sau izbire bruscă și violentă a suprafeței de contact a corpului victimei cu sau de un corp contondent, de regulă, prin proiectare, călcare, alunecare, aruncare sau cădere (de exemplu, cu palma, cu piciorul, cu cotul, cu un obiect, instrument sau armă; de perete, sau de obiecte aruncate asupra victimei etc.).

Caracterul multiplu al aplicării loviturilor condiționează esența violenței fizice ca a unei fapte care cauzează nu pur și simplu o durere, ci o durere deosebit de chinuitoare, care poate fi repetată, prin aceasta traumatizînd și mai mult persoana. În acest sens, nu putem să nu agreăm opinia conform căreia conceptele „maltratare”, „schingiuire”, „tortură”, „sadism” fac parte din același categorie, reprezentînd cazuri particulare de manifestare a violenței fizice.

Conform clasificării făcute de unii autori [8, p. 55], violența fizică poate fi *activă și pasivă*. Cea activă se consideră violența prin care se provoacă celui alt membru de familie o serie de vătămări (lovirea cu pumnul sau piciorul, sugrumarea, îmbrâncirea, utilizarea armei). În cadrul acestui tip se înscriu mai multe forme:

- violența fizică activă *directă* (aplicarea de lovituri cu folosirea armei sau doar a forței fizice);

- violența fizică activă *indirectă* (provocarea unor daune fizice prin atragerea unei terțe persoane).

Violența fizică pasivă impune victimei izolarea, inclusiv refuzul de a-și vizita copiii. Aceasta, la rândul ei, include:

- violența fizică pasivă *directă* (acte fizice în scopul blocării realizărilor scopurilor altuia);

- violența fizică pasivă *indirectă* (neîndeplinirea unor însărcinări, prin care se blochează realizarea scopurilor altuia).

De regulă, violența sau abuzul fizic este îmbinat cu alte forme de violență, rareori întâlnindu-se doar violența fizică.

O altă formă de manifestare a laturii obiective o constituie **violența psihologică**. Aceasta este definită la art. 2 din Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie ca „impunere a voinței sau a controlului personal, provocare a stărilor de tensiune și de suferință psihică prin ofense, luare în derîdere, înjurare, insultare, poreclire, șantajare, distrugere demonstrativă a obiectelor, prin amenințări verbale, prin afișare ostentativă a armelor sau prin lovire a animalelor domestice; neglijare; implicare în viața personală; impunere a izolării prin detenție, inclusiv în locuința familială; izolare de familie, de comunitate, de prieteni;

interzicere a realizării profesionale, interzicere a frecventării instituției de învățământ; deposedare de acte de identitate; privare intenționată de acces la informație; alte acțiuni cu efect similar”.

Violența psihologică include violența *emoțională* și cea *verbală*: insulte, jigniri (referitoare la aspectul fizic, la capacitățile intelectuale sau la îndeplinirea responsabilităților pe care le are victima în cadrul familiei), amenințări, intimidare, șantaj emoțional, inducerea fricii, presiune continuă, teroare, privare de alimente sau de somn, discreditare în fața celorlalți. Denumită și *abuz emoțional*, violența psihologică este folosită pentru a manipula și a controla; efectul este cumulativ în timp, cu consecințe grave pe termen lung pentru victimă.

În ceea ce privește conceptul de violență psihologică, trebuie să menționăm că determinarea conținutului acesteia continuă încă să fie problematică. Deoarece componența de infrațiune a violenței în familie este una materială, adică pentru încadrarea juridică corectă este necesar să fie probate consecințele prejudiciabile, iar în cazul violenței psihologice consecințe sînt la nivel psihologic sau emoțional, care pot fi identificate doar printr-o expertiză psihologică. În practica judiciară, pentru identificarea consecințelor violenței psihologice se mai practică evaluarea psihologică a stării victimei violenței în familie de către un specialist-psiholog, în urma căreia se întocmește un *raport de evaluare psihologică*, care la rândul său servește ca mijloc de probă în vederea confirmării afecțiunilor psihologice.

A treia formă de manifestare a laturii obiective este **violența sexuală**. Termenul este preluat din vocabularul anglo-saxon (“sexual

violence”) și reprezintă, alături de abuzul fizic, una dintre formele cele mai grave de violență.

În literatura de specialitate, violența sexuală este definită de unii autori ca orice activitate sexuală forțată, incluzînd ironii, glume cu aluzie sexuală, priviri fixe sau concupiscente, comentarii cinice, apeluri telefonice ofensatoare, propuneri de relații indecente, impunerea de a viziona materiale pornografice sau de a participa în industria pornografică, atingeri neplăcute, raport sexual prin constrîngere, sarcini nedorite, acte de gelozie neîntemeiată, învinuire și insinuare cu referință la raporturi sexuale în afara cuplului.

În opinia altor autori [9, p. 274], abuzul sexual este forțarea și obligarea victimei să participe la activități de natură sexuală, acte ce servesc pentru obținerea plăcerii de către persoana care comite agresiunea.

Violența sexuală ca forma de manifestare a laturii obiective a violenței în familie de regulă este raportată doar împreună cu alte trei sau patru forme de violență în familie. Spre deosebire de violența psihologică și separat violența sexuală apare doar împreună cu acestea, plus violența fizică, cu sau fără violență economică.

Violența sexuală constă în obligarea forțată la gesturi nedorite sau raporturi sexuale, cererea ca victima (partenerul de cuplu) să îmbrace haine mai mult – sau dimpotrivă – mai puțin provocatoare, obligarea acesteia să facă sex cu obiectele, animalele sau prietenii, de a pune în aplicare fantezii pornografice, negarea sau denigrarea sexualității partenerii.

În ceea ce privește abuzul sexual împotriva copiilor, acesta include forțarea acestora de a asista sau a lua parte la activități sexuale, de

a-i exploata în scopuri de prostituție sau pornografie.

Formele de violență sexuală sînt variate și se pot clasifica în acte sexuale cu sau fără contact sexual genital, oral sau anal. Dintre formele de abuz sexual se menționează: hărțuirea sexuală, cu formele sale de propuneri verbale, gesturi sau atingeri de tip sexual, obscen, dar mai ales cu amenințări în cazul refuzului; comportamentul exhibiționist, manipularea organelor sexuale ale victimei sau obligarea acesteia de a manipula organele sexuale ale agresorului; intruziunea unor obiecte în organele sexuale, penetrarea sexuală – pe cale orală, genitală sau anală, exploatarea sexuală – obligarea minorului la pornografie sau prostituție în folosul agresorului. Formele de abuz sexual cel mai greu de incriminat sînt cele care au loc în familie.

În literatura de specialitate, abuzurile sau violențele sexuale împotriva copiilor constituie o formă distinctă a violenței sexuale din cadrul familial, fiind definită ca „formă de participare a unui copil sau adolescent-membru al familiei la activități necorespunzătoare vârstei și dezvoltării lui sexuale, pe care nu este în măsură sa le înțeleagă, activități la care este supus prin constrîngere, violență sau prin seducție, ori care încalcă normele morale”.

Potrivit art. 2 din Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, violența sexuală este definită ca „orice violență cu caracter sexual sau orice conduită sexuală ilegală în cadrul familiei sau în alte relații interpersonale, cum ar fi violul conjugal, interzicerea folosirii metodelor de contracepție, hărțuirea sexuală, orice conduită sexuală nedorită,

impusă, obligarea practicării prostituției, orice comportament sexual ilegal în raport cu un membru de familie minor, inclusiv prin mîngieri, sărutări, pozare a copilului și prin alte atingeri nedorite cu tentă sexuală și alte acțiuni cu caracter similar”. [3. art.2]

Referitor la acțiunile cu caracter sexual care atentează direct la viața sexuală a membrului de familie, legiuitorul a incriminat aceste fapte aparte și anume la:

- art. 171, alin. (2), lit. b²) CP al RM „Violul, adică raportul sexual săvîrșit prin constrîngere fizică sau psihică a persoanei sau profitînd de imposibilitatea acesteia de a se apăra ori de a-și exprima voința (...) săvîrșit asupra unui membru de familie” și

- art. 172, alin. (2), lit. b²) CP al RM „Acțiuni violente cu caracter sexual, adică homosexualitatea sau satisfacerea poftei sexuale în forme perverse, săvîrșite prin constrîngere fizică sau psihică a persoanei ori profitînd de imposibilitatea acesteia de a se apăra sau de a-și exprima voința (...) săvîrșit asupra unui membru de familie” [10].

O altă formă de exprimare a acțiunii principale a laturii obiective a componentei de infracțiune poate fi **violența spirituală**. Aceasta poate fi definită ca un comportament al unui membru de familie ce subminează sau diminuează tradițiile culturale ori religioase ale altui membru de familie, ridiculizînd-le sau penalizîndu-le, în scopul de a forța persoana să adere la un al sistem de valori.

Tot aici se referă și utilizarea religiei unei persoane sau a credințelor sale spirituale, pentru a o manipula sau controla. Aceasta poate să cuprindă împiedicarea persoanei de a utiliza practicile sale religioase sau spirituale, sau dimpotrivă – să ridiculizeze credințele ei.

Potrivit art. 2 din Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, violența spirituală este definită ca „subestimare sau diminuare a importanței satisfacerii necesităților moral-spirituale prin interzicere, limitare, ridiculizare, penalizare a aspirațiilor membrilor de familie, prin interzicere, limitare, luare în derîdere sau pedepsire a accesului la valorile culturale, etnice, lingvistice sau religioase; impunere a unui sistem de valori personal inacceptabile; alte acțiuni cu efect similar sau cu repercusiuni similare” [3. art. 2].

Violența economică constituie ultima formă de manifestare a laturii obiective a componentei de violență în familie. În cazul acestui tip de violență, agresorul aduce victima într-o poziție financiară dependentă. Abuzatorul decide modul în care vor fi cheltuiți banii, fapt ce poate implica diferite cunoștințe financiare sau se poate intersecta cu anumite bariere economice.

Conform autoarei L. Koreneva [11, p. 130], aceasta constă în acțiunile intenționate ale unui membru de familie, care vizează stabilirea dependenței economice sau bazate pe această dependență, în legătură cu un alt membru al familiei, diminuîndu-i onoarea și demnitatea, încalcîndu-i drepturile și libertățile constituționale de membru al familiei.

Conform Legii nominalizate, violența economică este definită ca „o privare de mijloace economice, inclusiv lipsire de mijloace de existență primară, cum ar fi hrană, medicamente, obiecte de primă necesitate, abuz de variate situații de superioritate pentru a sustrage bunurile persoanei, interzicere a dreptului de a poseda, folosi și dispune de bunurile comune, control inechitabil asupra bunurilor și re-

surselor comune, refuz de a susține familia, impunere la munci grele și nocive în detrimentul sănătății, inclusiv a unui membru de familie minor, precum și alte acțiuni cu efect similar” [3, art. 2].

Violența economică este puternic corelată cu violența psihologică, mai ales cu abuzurile referitoare la distrugerea bunurilor personale. De aceea, violența economică este raportată doar împreună cu alte tipuri de violență.

Urmarea prejudiciabilă constituie a doua componentă a laturii obiective a infracțiunii. Orice infracțiune produce o urmare, un rezultat care constă în lezarea obiectului sau în crearea unei stări de pericol pentru acesta. În acest context, chiar legea penală [12], definind infracțiunea săvârșită cu intenție și din imprudență, prevede că vinovăția făptuitorului trebuie raportată la o anumită urmare prejudiciabilă.

În teoria dreptului penal, urmările prejudiciabile se clasifică în două categorii:

- urmări prejudiciabile *materiale*;
- urmări prejudiciabile *formale*.

Anume în funcție de caracterul urmărilor, în literatura de specialitate se face distincție între infracțiunile formale și infracțiunile materiale.

Analizând componenta de infracțiune prevăzută la articolul 201¹ CP al RM, observăm că aceasta este una materială, adică infracțiunea se consumă în momentul apariției urmărilor prejudiciabile exprimate prin:

- cauzarea suferinței fizice;
- cauzarea vătămărilor ușoare ale integrității corporale;
- cauzarea suferinței psihice;
- cauzarea prejudiciului moral;
- cauzarea prejudiciului material.

În acest sens, conform doctrinei juridice, suferințele fizice și psihice fac parte din prejudiciul moral. Această idee este reflectată și în Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează repararea prejudiciului moral [13], unde la punctul 3 al acesteia se menționează ca „prin noțiunea de *prejudiciu moral* se înțeleg suferințele psihice sau fizice cauzate prin acțiuni sau omisiuni care atentează la valorile nepatrimoniale ce aparțin persoanei din momentul nașterii sau la bunurile dobândite prin lege (viața, sănătatea, demnitatea și reputația profesională, inviolabilitatea vieții personale, secretul de familie și personal), prin fapte ce atentează la drepturile personale nepatrimoniale (dreptul de a folosi propriul nume, dreptul de autor)”.

Astfel, observăm că legiuitorul, în incriminarea prevăzută la art. 201¹ CP al RM, prin enumerarea suferinței fizice și psihice pe lângă prejudiciul moral ca urmări prejudiciabile le diferențiază, fapt cu care nu putem fi de acord.

Deci urmările prejudiciabile ale infracțiunii prevăzute de art. 201¹ CP al RM rămân a fi:

- cauzarea vătămării ușoare a integrității corporale;
- cauzarea prejudiciului material;
- cauzarea prejudiciului moral.

Cauzarea vătămării ușoare a integrității corporale sau a sănătății a fost prevăzută la art. 153 CP al RM, fiind dezincriminată prin excluderea lor din Codul penal [14].

În conformitate cu Regulamentul, prin dereglarea sănătății de scurtă durată se înțeleg urmările determinate nemijlocit de vătămare, care durează nu mai mult de 21 de zile (trei săptămâni). În special, la dere-

glarea de scurtă durată a sănătății se raportează: slăbirea vederii sau a auzului (legată de pierderea neînsemnată, dar stabilă, a capacității de muncă); numeroase excoriații (juli-turi) sau echimoze (vînătăi); pierderea degetului de la mână (cu excepția celui mare și arătător) etc. [15]

Potrivit Regulamentul de apreciere medico-legală a gravității vătămării corporale nr. 199 din 27.06.2003, prin *incapacitate stabilă și neesențială de muncă* se are în vedere o pierdere a capacității generale de muncă într-un volum de pînă la 10%.

Dat fiind faptul că la art. 201¹ CP al RM se incriminează fapta de violență în familie într-o variantă-tip și două variante agravante, avem incluse de către legiuitor și alte urmări prejudiciabile care determină agravarea faptelor ce cad sub incidența alin. (1), art. 201¹ CP al RM. Astfel, la art. 201¹, alin. (2), lit. b) CP al RM legiuitorul include ca o forma agravantă „vătămarea medie a integrității corporale sau a sănătății”. În această situație, intensitatea violenței este de un grad ridicat, antrenînd prejudicii severe ale sănătății persoanei agresate.

Conform Regulamentului de apreciere medico-legală a gravității vătămării corporale, criteriile de calificare a vătămărilor corporale comportă următoarele trăsături:

- 1) lipsa pericolului pentru viață;
- 2) lipsa tuturor consecințelor, prevăzute de acest Regulament, cu referință la vătămările corporale grave;
- 3) dereglarea de lungă durată a sănătății;
- 4) incapacitatea permanentă însemnată de muncă.

Ultimele două trăsături au un caracter alternativ, prezența oricăreia dintre ele, precum și prezența concomitentă, va avea aceeași formă la calificarea infracțiunii.

Conform Regulamentului nominalizat, prin *dereglare a sănătății de lungă durată* se subînțeleg consecințele determinate nemijlocit de vătămare (maladii, dereglări de funcții etc.), care au o durată de peste trei săptămâni (mai mult de 21 de zile).

Gradul de gravitate a vătămarilor integrității corporale, după criteriul dereglării sănătății, se determină în funcție de timpul necesar pentru restabilirea sănătății, precum și de volumul și caracterul leziunilor [15].

Conform aceluiași Regulament, prin *incapacitate permanentă însemnată de muncă* se înțelege o incapacitate generală de muncă în volum mai mare de 10%, dar nu mai mare de 33%.

În viziunea noastră, art. 201¹ CP al RM înglobează în sine infracțiunea de vătămare intenționată medie a integrității corporale sau a sănătății prevăzute la art. 152 CP al RM și cea de vătămare medie imprudentă prevăzută la art. 157 CP al RM. Potrivit regulilor de concurență dintre o normă parte și una întreg, în acest caz activitatea infracțională urmează a fi calificată în conformitate cu art. 201¹ alin. (2) lit. b) CP al RM.

La art. 201¹ alin. (3) CP al RM se agravează răspunderea penală pentru violența în familie comisă în prezența următoarelor circumstanțe agravante, instituindu-se o pedeapsă mai aspră decât pentru fapta descrisă la alin. (2) al aceluiași articol, și anume:

a) **Violența în familie care a cauzat vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății.** Noțiunea de *vătămare gravă a integrității corporale sau a sănătății* este formulată la alin. (1) art. 151 CP al RM „Vătămarea gravă a integrității corporale sau a sănătății, care este periculoasă pentru viață ori care a provocat pierderea ve-

derii, auzului, graiului sau a unui alt organ ori încetarea funcționării acestuia, o boală psihică sau o altă vătămare a sănătății, însoțită de pierderea stabilă a cel puțin o treime din capacitatea de muncă, ori care a condus la întreruperea sarcinii sau la o desfigurare iremediabilă a feței și/sau a regiunilor adiacente”.

Observăm că definiția dată întrunește indicatorii vătămării grave a integrității corporale, acestea având un caracter alternativ, astfel încât pentru a califica fapta conform lit. a) al alin. (3) art. 201¹ CP al RM este suficientă întrunirea oricăruia dintre ei.

Notele caracteristice ale indicatorilor vătămării grave a integrității corporale sau a sănătății se determină în conformitate cu Regulamentul de apreciere medico-legală a gravității vătămării corporale [15].

b) **Violența în familie care a determinat la sinucidere sau la tentativă de sinucidere.** Noțiunea de *a determina* înglobează mai multe sensuri, printre care: a condiționa în mod necesar, a servi drept cauză pentru apariția sau dezvoltarea unui fapt, a unui fenomen; a face ca cineva să ia o anumită decizie etc. În cazul determinării la sinucidere, este necesar a stabili că anume făptuitorul a condiționat decizia victimei de a se sinucide, dar nu a dorit numaidecât acest rezultat [16, p. 377].

Ideea de sinucidere emană de la cel care determină hotărîrea de a se sinucide, o ia însă cel determinat, și acesta trebuie să aibă puțință de a cîntări argumentele și motivele pe care i le servește cel care determină și de a decide dacă trebuie sau nu să se sinucidă. Dimpotrivă, dacă victima nu a decis liber asupra îndemnului venit de la cel care determină, ci a fost constrînsă de acesta

să se sinucidă, fapta trebuie calificată ca omor [17, p. 86].

E necesar de a delimita determinarea la sinucidere de înlesnirea sinuciderii. La înlesnirea sinuciderii, făptuitorul nu realizează acte de persecutare, clevetire ori jignire, ci facilitează intenția victimei de a se sinucide.

c) **Violența în familie care a cauzat decesul victimei.** În această modalitate agravantă, infracțiunea este complexă, formată din două urmări prejudiciabile:

- cauzarea suferinței fizice, soldate cu vătămarea ușoară a integrității corporale sau a sănătății, cu suferință psihică ori prejudiciu material sau moral;

- lipsirea de viață din imprudență, prevăzută de art. 149 CP al RM.

Prin urmare, latura subiectivă a infracțiunii în această modalitate se exprimă prin praeterintenție, prevăzută de art. 19 CP al RM: „Dacă, drept rezultat al săvîrșirii cu intenție a infracțiunii, se produc urmări mai grave care, conform legii, atrag înăsprirea pedepsei penale și care nu erau cuprinse de intenția făptuitorului, răspunderea penală pentru atare urmări survine numai dacă persoana a prevăzut urmările prejudiciabile, dar considera în mod ușuratic că ele vor putea fi evitate sau dacă persoana nu a prevăzut posibilitatea survenirii acestor urmări, deși trebuia și putea să le prevadă. În consecință, infracțiunea se consideră intenționată”.

Reieșind din cele menționate, putem afirma că și în acest caz infracțiunea are un caracter complex și absoarbe în sine infracțiunea incriminată la art. 149 CP al RM – lipsirea de viață din imprudență.

O altă formă de manifestare a prejudiciului cauzat membrului de familie prin aplicarea violentei este

prejudiciul material. Conform teoriei dreptului civil, prejudiciul material este consecința susceptibilă de evaluare bănească, care decurge din vătămarea unui drept sau interes legitim patrimonial. Prejudiciul material poate fi cauzat și prin vătămarea drepturilor personale nepatrimoniale privind integritatea fizică sau morală a persoanei fizice (de ex., costul tratamentului, pierderi legate de imposibilitatea prestării unei munci).

Prejudiciul material poate fi definit ca un efect negativ, cu caracter patrimonial, produs unei persoane prin fapta ilicită a altei persoane ori prin acțiunea lucrurilor ce se afla sub paza juridică a altei persoane. Astfel, putem spune că constituie prejudiciu material: distrugerea, sustragerea ori degradarea unor bunuri; lezarea onoarei, reputației, calității de creator intelectual sau oricăror atribute ce definesc statutul moral al persoanei etc.

Prejudiciul material poate avea două elemente componente:

- prejudiciul efectiv cauzat creditorului;
- venitul ratat.

Prejudiciul efectiv este definit la art. 14, alin. (2) din Codul civil și constă în cheltuielile pe care persoana lezată într-un drept al ei le-a suportat sau urmează să le suporte la restabilirea dreptului încălcat, pierderea sau deteriorarea bunurilor sale (prejudiciu efectiv), precum și beneficiul neobținut prin încălcarea dreptului (venitul ratat) [18, art. 14, alin.(2)].

În componența prejudiciului efectiv intră nu numai cheltuielile efectiv suportate de creditor pentru atingerea situației anterioare cauzării prejudiciului, ci și acele pe care urmează să le suporte în vederea restabilirii dreptului lezată (prejudiciul viitor). Necesitatea și devizul acestor cheltuieli trebuie să

fie confirmate prin probe veridice, să fie neexagerate.

Prejudiciul efectiv sau pierderea efectivă este valoarea exprimată în bani cu care s-a micșorat patrimoniul victimei, fie prin scăderea activului, fie prin creșterea pasivului. Venitul ratat constituie lipsa obținerii unor foloase patrimoniale pe care partea vătămată le-ar fi obținut, lipsa de sporire a patrimoniului, deși acesta putea și trebuia să sporească, dacă nu ar fi fost săvârșită fapta ilicită.

Noțiunea de prejudiciu material este definită și în conformitate cu Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, constituind „daune materiale, susceptibile de evaluare sau estimare financiară/pecuniară, rezultând din orice act de violență în familie, în concubinaj, precum și costurile pentru instrumentarea cazurilor de violență în familie” [3, art. 2].

Mărimea prejudiciului material cauzat victimei nu este prevăzută de legea penală, rămânând a fi stabilită în fiecare caz particular de către instanța de judecată.

Cit privește prejudiciul moral ca forma a prejudiciului cauzat în urma săvârșirii faptei prejudiciabile prevăzute de art. 201¹ CP al RM, acesta poate fi înțeles ca suferințe psihice sau fizice cauzate prin acțiuni sau omisiuni care atentează la valorile nepatrimoniale ce aparțin persoanei din momentul nașterii sau la bunurile dobândite prin lege (viața, sănătatea, demnitatea și reputația profesională, inviolabilitatea vieții personale, secretul de familie și personal), prin fapte ce atentează la drepturile personale nepatrimoniale (dreptul de a folosi propriul nume, dreptul de autor).

Noțiunea de suferințe fizice nu are același înțeles cu noțiunea de

daune fizice cauzate sănătății. Dauna cauzată sănătății înseamnă orice schimbare negativă în organismul uman, ce împiedică funcționarea biologică normală, adică decurgerea normală din punct de vedere medical a tuturor proceselor psihofiziologice. Daunele cauzate sănătății produc consecințe atât de ordin nepatrimonial, cât și patrimonial.

La aprecierea despăgubirii se va ține cont și de alte criterii, cum ar fi vârsta, funcția, sexul, starea emoțională etc.

O varietate a prejudiciului corporal este prejudiciul estetic, care reprezintă acele leziuni sau vătămări prin care s-a adus atingere armoniei fizice sau fizionomiei persoanei vătămate. Această categorie de prejudicii presupune atât dureri fizice, cât și suferințe psihice. Intensitatea suferințelor în acest caz va fi cu atât mai mare cu cât frumusețea și aspectul fizic al persoanei este îndeosebi esențial pentru existența acesteia (actor, manechin, stewardesă).

Conform Legii Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, prejudiciu moral este definit ca o „cauzare de suferințe unui membru de familie, inclusiv unui copil, în cadrul familiei sau al unor alte relații interpersonale, care duce la umilire, frică, înjosire, incapacitate de apărare împotriva violenței fizice, la sentimente de frustrare” [3, art. 2].

După cum am menționat anterior, mărimea prejudiciului moral nu poate fi estimat pecuniar, aceasta rămîne a fi stabilită pentru fiecare caz particular de instanța de judecată.

Un element principal și obligatoriu al laturii obiective a infracțiunii de violență în familie îl constituie legătura de cauzalitate dintre acțiunea sau inacțiunea făptuitorului și urmarea acesteia. Astfel, pentru

existența infracțiunii este necesar ca prin acțiunea sau inacțiunea făptuitorului, manifestată printr-o formă de violență descrisă anterior, să se producă un rezultat material (prejudiciu) cerut expres de norma de incriminare prevăzută de articolul 201¹ CP al RM.

Studierea și analiza detaliată a tuturor elementelor laturii obiective ale infracțiunii de violență în familie a determinat formarea **concluziei** precum că latura obiectivă a infracțiunii de violență în familie are un caracter complex, fapta putând să absoarbă în sine asemenea fapte infracționale precum ar fi: vătămarea intenționată gravă sau medie a integrității corporale sau a sănătății, prevăzută la art. 151 și 152 CP al RM; lipsirea de viață din imprudență, prevăzută la art. 149 CP al RM, și determinarea la sinucidere sau la tentativa de sinucidere, prevăzută la art. 150 CP al RM.

În vederea optimizării dispoziției art. 201¹ CP al RM, cu titlul de *lege ferenda propunem* excluderea din textul incriminării a noțiunilor de „suferință fizică” și „suferință psihică”, în vederea evitării repetării acestor termeni care, potrivit doctrinei juridice, se conțin în noțiunea de *prejudiciu moral* [13].

Propunem de asemenea descrierea în mod clar a acțiunilor și a inacțiunilor prin care poate fi realizată latura obiectivă a infracțiunii de violență în familie, pentru a exclude careva interpretări subiective, și anume propunem ca dispoziția art. 201¹, alin. (1) CP al RM să cuprindă următoarea sintagmă: „Acțiunea intenționată comisă de un membru al familiei în privința altui membru al familiei, manifestată prin:

- maltratare, aplicare de lovituri, alte acțiuni violente, soldate cu dureri fizice ori cu vătămare neînsemnată sau ușoară a integrității corporale sau a sănătății;

- priverie de libertate, izolare, urmărire, intimidare, în scop de impunere a voinței sau controlului personal asupra victimei;

- lipsirea de mijloace de existență primară sau de obiecte de primă necesitate, dacă a provocat suferință fizică sau psihică”.

Recenzent:

Albert ANTOCI,
doctor în drept

Referințe bibliografice

1. Ungureanu Augustin. Drept penal român. București: Ed. Lumina Lex, 1995.

2. Малинин В.Б., Парфёнов А.Ф. Объективная сторона преступления. Санкт-Петербург: изд. Юридического института С-П, 2004, с. 7.

3. Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.07.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie. În: Monitorul Oficial nr. 55-56 din 18.09.2008.

4. Литецкий В.В. Соотношение физического насилия с преступлениями против личности. В: „Современное состояние преступности и реформа уголовного законодательства” Межвуз. сб. науч. тр. Под ред. П. Марова. Москва-Тюмень, 1994.

5. Филиановский И. Г. Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1962, citat de Иванова В.В. Преступное насилие: Учебное пособие для ВУЗов. М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002, с. 83.

6. Пионтковский А.А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1, с. 722.

7. Шедрина А.К. Ответственность за разбой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». В: Вопросы советского уголовного права и процесса: Ученые записки Свердловского юридического института. Свердловск, 1958, с. 84.

8. Gherasimenco V. Formele de manifestare a violenței în familie. În: Revista Națională de Drept, 2006, nr.7, p. 55.

9. Bulai C., Bulai C. Drept Penal. Partea Specială. București, 2007, p. 274.

10. Legea Republicii Moldova nr. 167 din 09.07.2010 pentru modificarea și completarea unor acte legislative, publicată la data de 03.09.2010 în Monitorul Oficial, nr. 155-158, art. 551.

11. Коренева Л. Распространенность насилия против женщин в Санкт-Петербурге и России. В: Материалы международной научно-практической конференции “Феминистская теория и практика. Санкт-Петербург, 1996, с. 130.

12. Codul penal al Republicii Moldova din 18.04.2002, publicat la 14.04.2009 în Monitorul Oficial nr. 72-74, art. 195.

13. Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova din 09.10.2006, nr. 9 cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează repararea prejudiciului moral.

14. Legea Republicii Moldova nr. 292 din 21.12.2007 pentru modificarea și completarea unor acte legislative, publicată la 08.02.2008 în Monitorul Oficial nr. 28-29, art. 82.

15. Regulamentul de apreciere medico-legală a gravității vătămării corporale nr. 199 din 27.06.2003, publicat la 08.08.2003 în Monitorul Oficial nr. 170-172.

16. Barbăneagră A., Alecu Gh., Berliba V., Budeci V., Carpov T., Cușnir V., Cojocar R., Mariș A., Popovic T., Ulianoschi Gh., Ulianoschi X., Ursu N., Volcinschi V. Cod penal al Republicii Moldova. Comentariu, Chișinău, 2009, p. 377.

17. Brînză S., Ulianoschi X., Stati V., Țurcanu I., Grosu V. Drept penal, vol. II, Chișinău: Cartier juridic, 2005.

18. Codul civil al Republicii Moldova din 22.06.2002, publicat la 22.06.2002 în Monitorul Oficial nr. 82-86, art. 661.